

Когда бабушка была маленькой

ВОСПОМИНАНИЯ 70-80-летних
ЖИТЕЛЕЙ ТЮМЕНИ О СВОЁМ ДЕТСТВЕ

2012 г.

УДК 947.571.12
ББК 63.3 (2 Рос-4 Тюм-2 Тюмень) ю14
К 57

К 57 Когда бабушка была маленькой (воспоминания 70-80-летних жителей Тюмени о своем детстве) / сост. Н.Л. Антуфьева; рис. уч-ся МАОУ ДОД «Детская художественная школа им. А.П. Митинского». – Тюмень: ОАО «Тюменский издательский дом», 2012. – 60 с.

Эта книга – совместный труд пожилых жителей города Тюмени и детей 10-12 лет, учащихся детской художественной школы им. А.П. Митинского. Воспоминания о детстве в Тюмени в 1930-1950 годы написаны членами городского краеведческого клуба «Тюменская старина». Маленькие жители города, родившиеся в XXI веке, с интересом прочитали их. Свое сопереживание, уважение и заинтересованность они выразили в своих рисунках. Дети представляли себя или своих бабушек-дедушек в школе, на реке, в лесу... В работе учащимся помогали их талантливые учителя.

© ОАО «Тюменский издательский дом», 2012

ISBN 978-5-9288-0218-9

Дорогие наши юные читатели!

Перед вами книжка «Когда бабушка была маленькой». Воспоминания о детстве в Тюмени написали наши земляки, которые помнят тяжелое время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. В небе над городом не летали вражеские самолеты, не ходили по улицам фашистские солдаты. Защищать родину из Тюмени на фронт ушли взрослые, сильные люди и совсем юные выпускники школ. В городе остались старики, женщины и дети. В город прибывали эвакуированные заводы, на которых работали рабочие, дожидавшиеся призыва в армию. Все в Тюмени знали, что от каждого зависит победа в этой священной войне. Испытания, которые выпали на долю детей войны, не погасили в них желания играть, веселиться. Просто у них были другие жизненные уроки.

Став взрослыми, они работали врачами, учителями. Хотя книга и называется «Когда бабушка была маленькой», среди десяти воспоминаний есть одно воспоминание дедушки – Аркадия Константиновича Щекотова. Он учился в школе №25. Когда вырос, стал директором машиностроительного техникума. Все авторы книги – члены краеведческого клуба «Тюменская старина».

Бабушка, бабушка... Тоже мама, только очень взрослая. Мама, которая вырастила детей и помогает растить внуков. Она многое пережила и повидала на своем веку и, главное, научилась любить. Это самая главная особенность бабушек. Любовь соединяет поколения и хранит семью.

У меня было две бабушки. Одну звали бабушка Поля, а другую – бабушка Варя. Но однажды имя бабушки Вари изменилось. Как рассказывала мне моя мама, это случилось, когда я была совсем маленькой. Было мне три года. Пришла бабушка Варя с работы и говорит: «Заждались вы меня, свою бабку». Я, услышав такое резкое слово, обняла ее за коленки, укрытые длинной юбкой, и сказала: «Бусенька, бусенька».

С тех пор все стали звать бабушку Варю Бусенькой. Так звали ее дети, внуки, соседи и знакомые. А я рассказывала о бабушках своему внуку. Говорила, что ходили они в очках, носили темные платки и длинные юбки. Были у них худые морщинистые руки с толстыми венами... А внук меня поправил, сказав, что нельзя так рассказывать о своих бабушках. Я удивилась, ведь он их никогда не видел, и попросила меня исправить. Он сказал: «Были у них худенькие ручки с морщинками и тоненькими венками». Какие добрые сердца у наших внуков!

Редко бабушки рассказывают о своем детстве. Некогда им рассказать о своих играх, занятиях, учебе. В этой книге помещено несколько воспоминаний о детстве в Тюмени. Воспоминания первыми прочитали учащиеся художественной школы им. А. Митинского. Дети, под руководством своих преподавателей, нарисовали иллюстрации к прочитанному.

Книга увидела свет благодаря финансовой поддержке Благотворительного фонда развития города Тюмени.

Надеюсь, что короткие рассказы и картинки к ним помогут юным читателям представить город Тюмень в далекие довоенные и военные годы. Понять, как жили люди раньше, и отличались ли те дети от своих сверстников нынешнего времени. А если представить себе, что нет семидесятилетнего разрыва во времени, то дружили бы или нет бабушки-девочки со своими внуками?

Читайте книжку вместе с родителями и бабушками-дедушками, просите их рассказать о своем детстве. Сами сделайте рисунки к рассказам. От этого ваша любовь станет нежнее и крепче.

Надежда Антуфьева.

*Зачем такая жалость и любовь
К разваливающемуся забору,
К воротам, к палисаднику, которых
Давно уж нет и уж не будет вновь,
К смородинам, исчезнувшим бесследно,
К изогнутым вишневым деревцам,
К ромашкам, прораставшим там и сям,
К багровым мальвам, грубым и победным,
К нагромождению золотых шаров,
Естественных, как поросль полевая,
(их, помнится, мы даже поливали).
И лучших в мире не было дворов.
Он снится мне – как детство, незабвенный,
И в благодарном сердце – неизменный.*
Т.П. Тимофеева.

Ольга Александровна Полищук (Овчинникова)

Я помню себя совсем маленькой в доме своего дедушки Василия Ивановича Овчинникова. Это дом №3 по улице Мориса Тореза, где сейчас находится магазин «Оптика». В 1983 году его разобрали. Дом был седьмым по счету и крайним. Когда-то здесь, слева и справа от дома, находились кузницы и избы кузнецов. Улицы носили название Кузнечных. Четвертая Кузнечная – нынешняя улица Малыгина. Кузницы располагались около домов. В Тюмени кузницы были на въезде в город на улице Ямской и на выезде из города по Московскому тракту, на улице Республики.

Лошадей привязывали около окон, во дворе. У кузнеца было очень много работы: ковка лошадей, оковка колес, полозьев, плугов, ремонт всевозможной утвари. В период нэпа был дефицит товаров.

Овчинников Александр Васильевич, мой отец, с десяти лет помогал деду в кузнице: качал кузнечные меха, которые давали воздух в тлеющие древесные угли в горне, подавал инструменты при ковке лошадей и выполнял другие подсобные работы. Был кузнецом, а затем работал на заводе чугунно-эмальерного и гвоздильного завода «Н.Д. Машаров и К» в Тюмени в качестве литейщика-формовщика. Потом был призван в царскую армию и уехал в Петроград.

По приказу Петроградского военного округа от 8 мая 1917 года А.В. Овчинникову была предоставлена отсрочка от призыва, наравне с прочими военнообязанными. Вернувшись в Тюмень, с 5 августа 1917 года он рабо-

Рисунок Эльвиры Кабировой, 11 лет.

тал на заводе «Н.Д. Машаров и К», затем уволился по собственному желанию, уступая место для пришедших с фронта товарищей.

Затем работал в артели гужевого транспорта. После – в своей кузнице.

В 1931 году вместо практиковавшейся пятидневной рабочей недели была установлена шестидневная. С одним общим выходным днем, приходившимся на 6, 12, 18, 24 и 30 число каждого месяца. Таким образом, воскресенье было днем рабочим. Советская власть восстановила воскресенье как день выходного дня с 1940 года. Реформы «Советская неделя» преследовали искоренение в людях веры и христианства.

В этот период я училась в школе №20. Наша семья была из старообрядцев, где соблюдались все религиозные праздники. В учебном году 36 воскресных дней и еще столько же других религиозных праздников, которые я посещала, пропуская школьные занятия. Мой отец был религиозным человеком и по праздникам не отпускал меня в школу. Дома я плакала, а когда приходила в школу после очередного праздника, меня обзывали «богомолкой» и дергали за косички. В классе все были пионерами. На переменах между уроками под руководством пионервожатой водили хороводы. Песни были про Петрушу на тракторе, про Щорса. Накануне больших религиозных праздников по улице Республики ездила машина с чучелами попов.

Училась я только на «очень хорошо» – существовавшую в то время оценку.

На выпускном собрании Клавдия Епифановна, классная руководительница, объявила, что премия по окончании школы (4-го класса) – чернильный прибор – полагается ученице Оле Овчинниковой.

Дальше сказала: «Она лишается премии за непосе-

Рисунок Марии Писаревой, 11 лет.

щение школы в воскресные дни и другие религиозные праздники, поэтому премия уходит второй ученице».

После окончания седьмого класса в школе №21 мы все вместе сфотографировались. Сохранила эта фотография лица одноклассников. А имена трех из них выбиты на гранитных плитах возле памятника «Прощание». На фото рядом с преподавателем стоят погибшие на войне мои одноклассники: слева – Коробейников, справа – Федоров, в верхнем ряду – Калашников.

5 ноября 1922 года в честь Октябрьской революции в г. Тюмени улица Спасская была переименована в улицу имени Ленина. В конце её, недалеко от железной дороги, находился дом моих родителей, а на другой стороне железной дороги стояла школа №20, где я училась.

Возвращаясь из школы, мы с подружками, завидев вдалеке идущий поезд, успевали положить на рельсы монетку, чтобы после прохождения состава заполучить её расплюснутую колесами. Железнодорожное сообщение Тюмени с Екатеринбургом установилось в 1885 году. Конечным восточным пунктом железной дороги стала станция Тура, построенная на берегу одноименной реки. Со станцией Тюмень ее соединяла небольшая железнодорожная ветка, огибавшая город. Станция Тура стала крупным перевалочным пунктом. Здесь товары, следующие в Сибирь, перегружались на речные суда, а грузы из глубины Сибири – с речных судов, в железнодорожные вагоны.

Таким образом, у города появился новый источник доходов, а именно: взимание сбора по половине копейки с каждого пуда грузов, путешествующих между станциями.

В период Великой Отечественной войны 1941-45 годов заводы «Механик», «Строймаш», судостроительные имели подъездные пути от

«Спасская церковь». Рисунок Анастасии Марченко, 11 лет.

железной дороги. Они отгружали продукцию для фронта: мины, минометы, торпедные катера. Прибывающие вагоны с сырьем при выгрузке и погрузке не имели ни одной минуты простоя.

На станцию «Тура» к Масловскому взвозу с улицы Ленина по конной дороге с корзинами неполюсканного белья надо было ехать по Солдатской улице (Немцова) до улицы Республики вдоль забора скотолечебницы, мимо совпартшколы (сиропитательное заведение), школы №21, мельницы Жернакова (гостиница «Прометей»), далее по Ишимской (Орджоникидзе) до Ильинской церкви к Масловскому взвозу, вниз, к реке. Далее надо было пересечь железнодорожные пути. Полоскали белье летом с плотиков, а зимой – в теплушке, холодном деревянном домике, стоявшем на льду.

В июне 1940 года я была принята на работу в 4-й отряд военизированной охраны железной дороги им. Л.М. Когановича машинисткой. Личный состав отряда – это стрелки и бойцы пожарной охраны, молодые крепкие ребята, прошедшие службу в армии.

Штаб располагался слева от вокзала (со стороны вокзальной площади), в той же стороне находились железнодорожная поликлиника, железно-

рожное отделение милиции, вечерняя школа, баня и служба движения (гл. инженер М. Погорелый). Справа от вокзала – паровозное вагонное депо, служба связи и наше пожарное депо. Перед вокзалом был сквер, в центре – беседка и скульптура «Олени».

Наш обеденный перерыв совпадал с приходом пассажирского поезда Владивосток – Москва, мы с подружкой к этому времени выходили на перрон. Однажды я отправилась на перрон одна. Там было непривычнолюдно и торжественно. Я почувствовала какую-то неловкость, заскочила в полупустой вокзал, но и здесь на меня

Рисунок Анастасии Суратовой, 11 лет.

были устремлены взгляды чекистов. Я быстро ушла с перрона. Главный бухгалтер мне объяснил, что в это время вдоль состава прогуливался со своей свитой министр иностранных дел Японии господин Мацуоко, возвращавшийся после переговоров из Москвы.

И снова перрон. 17 июня 1941 года. Весь состав пассажирского поезда был заполнен выпускниками Тюменского пехотного училища. Играл духовой оркестр, я с букетом сирени провожала своего друга лейтенанта, отбывавшего вместе со всеми в Прибалтику. Но не суждено им было туда попасть. Война их застала в Москве. Ни одного письма я от друга своего не получила. Он с войны не вернулся.

С наступлением войны произошли изменения в работе всего личного состава военизированной охраны железной дороги. Ребята, годные к строевой службе, были призваны в действующую армию, на смену им пришли пожилые люди, которым было за 55 лет.

Выдача хлебных карточек жестко регламентировалась и выдавалась с учетом дня поступления и увольнения с работы. Дисциплина на предприятии была по законам военного времени, поэтому пришлось однажды отсидеть на гауптвахте в 1943 году за пререкания с начальником.

И снова перрон. 1945 год. Лето. Идут эшелоны на Восток. Все кричат: «Победа! Ура! Ура!». Долгожданная победа над фашистами принесла и радость, и бесконечную боль за безвозвратные потери.

Аркадий Константинович Щекотов

Я помню, что в раннем детстве мы жили в селе Камышево Свердловской области, где я родился. Отец там работал на сапоговаляльном заводе, или еще его по-другому называли пимокатной фабрикой. Готовые пимы (валенки) развозили по разным городам страны. Изготавливали их и для бойцов Красной армии. Я маленьким приходил к своему отцу на работу. Его не сразу увидел, потому что весь цех был в пару. Видны были люди и предметы только на уровне вытянутой руки. Пар шел от горячей воды в 80 градусов. Мужчины вылавливали палкой валенки из этой воды и колотили их палками. Отец от такой тяжелой работы сильно заболел. У него была язва желудка. Чтобы её залечить, утром натощак ел топленое масло. Потом мы переехали в Тюмень. Здесь он вылечился и нашел другую работу. Мама стала работать счетоводом в организации «Тюменьлес».

В Тюмень наша семья переехала в 1934 году. Мне было 7 лет. Жили на улице Герцена, 55. Это деревянный дом. Такие дома называли избой. Изба была размером 8x8 квадратных метров. Огород находился рядом, там сажали картошку. Отец перед войной дом начал переделывать, но ушел на фронт. Уже после войны, когда вернулся, крышу покрыл железом, оштукатурил, поставил новые ворота. На ворота приделал щеколду, которая закрывала ворота, и кольцо. Оно служило вместо ручки. Кольца были почти на всех воротах в Тюмени. Такие кованые кольца изготавливали с помощью кузнечной сварки очень качественно. Только при тщательном осмотре можно было заметить едва заметный шов. Недавно наш дом разобрали, чтобы на его месте построить новый, кирпичный. Убирали и ворота. Щеколду от них я снял и отдал в музей нефтегазового университета.

Мы росли активными и любопытными мальчишками. Много было у нас детских забав.

Однажды летом с другом Толой Коробковым пошли на берег Туры в тот район, где сейчас остановка автобуса «Краеведческий музей» и дом по адресу: улица Республики, 1. Было нам по 10-12 лет. В старые времена напротив музея стоял первый кирпичный, очень красивый, Благовещенский собор. Сейчас высокий и пологий берега Туры соединяет мост Влюбленных. На высоком берегу мост стоит на фундаменте разрушенного Благовещенского собора. Когда его делали триста лет назад, в раствор добавляли яичный белок.

Крутой берег Туры, заросший густой зеленой травой, еще не обрушился в воду. И в этой траве на ровной площадке мы обнаружили эллипсоидный лаз, уходивший в глубину. Мы смело полезли по этому лазу с округлыми гладкими цементными стенами. Оказались в помещении 3 x 3 кв. метра, где стояли в полный рост. Дальше лаз в сторону Благовещенского собора был заколочен досками. По слухам, это был подземный ход в собор, который

разрушили в 1932 году.

Собор разрушили, кирпичи использовали для строительства круглой бани. Одна из башенок собора упала в воду. В 1937-39 годах упавшую башенку было видно осенью, когда воды в Туре становилось меньше. Возле неё мы с другом решили поискать старые монеты. Я спустился к воде первым. Илистый берег сразу провалился под моими ногами, и я, забыв про монеты, стал выбираться назад. Одну ногу вытаскиваю – другая глубже уходит. Я весь грязный, ноги по колено в иле. Немного погодя уже по пояс увяз. Кричу Тольке: «Помоги, тону!». А ему

Рисунок Алисы Мужурьян, 11 лет.

смешно наблюдать с берега мои «танцы». Не понимает, что без его помощи я не выберусь. Он хохочет и от хохота по берегу валяется. Потом понял, что я не шучу, и давай таскать кору от деревьев и мелкие палки. Все лето и осень по реке сплавляли лес, ходили карета и лодки, и от старых сосен кора была толстая, огромных размеров. Вот подсунул он мне ее, и я попытался на неё забраться. Руками обхватил, на живот лег и полез. Так потихоньку и выбрался.

Зимой играли в «Буру» («загони в лунку»). По-современному ее бы называли гольф. Мы делали на дороге лунку и палкой загоняли в нее замерзшие колобашки от лошадей. Обуты мы были в валенки, чаще всего подшитые. На головах – шапки-ушанки. Играли недалеко от дома азартно и подолгу.

Я учился в школе № 25. С семи лет увлекся лыжами и бегал до самой старости. Спасибо за это Павлу Александровичу Ионидису – нашему учителю по физической культуре. Школа находилась на углу улиц Кирова и Республики, а спортзал располагался внизу здания, где Павел Александрович создал первую в нашем городе спортивную школу.

В войну учеников снимали с учебы на различные работы. Осенью 1941 года копали картошку в колхозе. В день надо было выкопать одну сотку, стаскать всё в одну кучу. Если оставалась в земле картошка, то взрослые ругали школьников. Работать плохо было стыдно. Как не стараться, если у всех отцы и старшие братья ушли на фронт.

Однажды нас сняли на чистку снега на железной дороге. Сбрасывали снег с путей около 200 человек. Когда мы поработали, всех накормили ка-

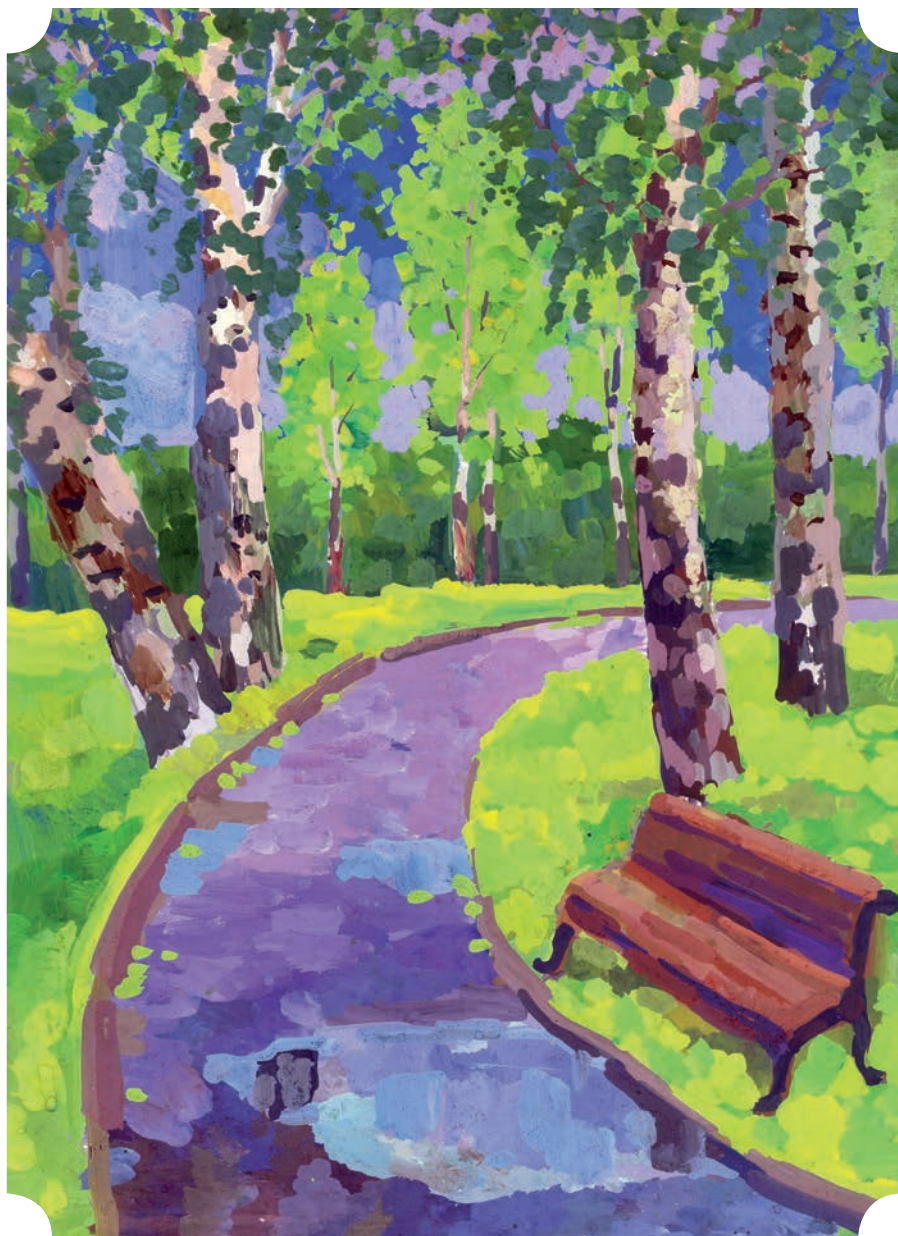

Рисунок Татьяны Киреевой, 13 лет.

шей с салом. Такой еды давно не ели. Вкус этой каши на всю жизнь запомнил. Двое учеников школы сильно обморозились. Завуч Петр Юлианович Хайновский ругал их и говорил: «Тоже мне, помощники фронту! Обморозились! А ещё сибиряки!»

Ходили также на разгрузку тяжелых длинных дров из вагонов. Метровые такие чурбаки. Вагон стоял высоко, чурбаки брали на вытянутые руки. Они были тяжелыми, огромного диаметра. Если бы упали на человека – ему бы мало не показалось. Ходили копать канавки под кабель на улицах Урицкого, Семакова, Бабарынке.

За кладбищем, за речкой Бабарынкой, была великолепная березовая роща. Картина художника Куинджи «Березовая роща» как будто списана с нашей рощи. Некоторые деревья росли от одного корня по 3-4 дерева. Рощу отдали школам на дрова. Всю рощу спилили. А там еще и трава была красивая, сочно-зеленая, какая бывает в березовом лесу. В этой роще заготавливали дрова для школы. Зимой в 1942 г. пилили под корень, разделявали. Холодно было. Рубили лес за речкой Бабарынкой. Нагрузим

полные большие лошадиные сани и тащим вместо лошадей. А как окажемся возле Никольского взвоза, так сами прыгаем на сани и катимся вниз на этих дровах. Со свистом. А на гору еле-еле поднимались. Потом в школе пилили, рубили. Сырые дрова горели плохо в школьных печках, шаяли. Но других вариантов не было.

Приходили заготавливать дрова и дети из школы №13. После уроков и девочки, и мальчики еще работали на фанерокомбинате. По окончании уроков они строились в колонну и шли под знаменем и под барабанную дробь на работу. Сколачивали там деревян-

«Берёзовая роща». Рисунок Паулины Муромцевой, 11 лет.

ные ящики для мин и по замерзшей реке на саночках перевозили к станции Тура.

С Димой Монокиным мы ходили в Ялutorовск на лыжах. Однажды Тамара Шишкина, Люда Лопарева, Ольга Пятчина, Гера Перемышлин, Юрка Тумашков, Мишка Захаров и другие ходили в Ишим. Поход был в 1944 г., в феврале. Ходили самые старшие, правда, Тумашков и Перемышлин были младше на класс. Организовал лыжный поход Павел Александрович и его поддержал горком комсомола. Секретарем горкома был Константин Иосифович Дубинин (его сын Сергей Константинович Дубинин работал в 1995-1998 гг. председателем Центрального банка России). Он принимал нас в комсомол в феврале 1944 г. Вокруг него много ребят собиралось на полезные и интересные дела. Чтобы кормиться в дороге, сделали фанерный ящик длиной 1,5 шириной 0,8 метра. Туда загрузили продукты, прикрепили лыжи и протянули крепкую тесьму с девятью хомутами для всех участников похода. Встали удобно в шахматном порядке, чтобы одновременно тащить ящик с едой. На привалах, в школах различных деревень, готовили пищу и ночевали. Дубинин дал продукты на поход: консервы, крупы, жиры. По телеграфу сообщали, где мы идем. В школах нас встречали, там мы спали, варили себе сами. Ночью спали, а днем шли. С собой была одна винтовка – на всякий случай от волков. За 7 дней дошли. Лица у всех задубели на морозе. В Ишиме пошли на соревнования. Местные школьники нас обыграли. Домой уехали на поезде. В Тюмени встречали торжественно.

В конце 1941 года, в лютую стужу, на санях рабочие волоком доставляли с железнодорожного вокзала оборудование с заводов автотракторного

Рисунок Анастасии Сафроновой, 12 лет.

электрооборудования (АТЭ) из Москвы, мотоэлектрооборудования из Калуги, электротехнического и карбюраторного из Ленинграда. Организовали мотоциклетный завод. Разместились на территории бывшего пивоваренного завода «Давыдовский». Выпускали мотоциклы для фронта М-72 с коляской и пулеметной турелью. Это крепление, на которое устанавливался пулемет.

Здание пивзавода приспособили под мотозавод. Мы, 15–17-летние парни, делали водяное отопление. Работали в тот год четыре летних месяца. В паросиловом цехе – четыре ученика 1924-1927 годов рождения, а также учениками слесаря-водопроводчика.

После основной работы давали еще задания. Говорили: «Сделаешь то-то и то-то – и свободен». Раз чуть Богу душу не отдал. Там, где раньше хранили пиво, – прокладывали новый трубопровод. Поднялся я на деревянную подставку, взялся одной рукой за трубопровод, который прокладывал, а другой – за второй, в которую проходил электропровод к станкам. Сразу даже кричать не мог от электрошока. Потерял сознание. Старший, Юра Шурлыгин, отдернул меня за рабочую блузу. И я упал на деревянный настил. Что и спасло жизнь. Ток прошел слева направо, из руки в руку.

Ещё мы сверлили фланцы (плоское кольцо). Просверливали отверстие в диске и четыре отверстия под здоровенные болты. Потом соединяли эти диски. И так каждый день – то резьбу резали, то фланцы сверлили, то трубы гнули. Без дела не сидели. Сами придумывали, как выполнить то или иное поручение. Нужно было гнуть железную трубу, чтобы сделать обвод вокруг стены на углах. Разведем костер на берегу,

Рисунок Дарьи Завьяловой, 13 лет.

там, где сейчас Загородный сад, на этом костре трубу, туго набитую песком, накаливали до белого каления и гнули по заданному шаблону. Делали прямой угол, или «уточку». Для нарезки резьбы на трубах использовали: лерки, «крупы» с плашками. На мотоциклетные цепи делали защитный кожух из металла толщиной примерно 1,5 – 2 мм, используя для этого деревянные молотки (киянки). И с помощью штампов выколачивали детали нужной формы.

В другое лето работали на лесоповале. На 14-м километре Червишевского тракта стояли бревенчатые бараки. Внутри – нары в два этажа. Там мы ночевали. Как там ели блохи! Всю ночь ели блохи. Старались на второй этаж забраться спать, где было потеплее. Утром нас кормили затертой ржаной мукой из глиняных плошек объемом примерно 1 литр. Поели – и на работу. Дерево под корень спиливали, потом сучки обрубали. На человека в сутки надо было заготовить 2 кубометра метровых брёвен, сложить в поленницу и сдать нормировщику. Бригада состояла из трех человек. Значит, надо было 6 кубов приготовить. После этого можно было отдыхать. В 1943 году весь август работали.

Напарниками моими были одноклассники Вадим Монокин и Дмитрий Задорин. Они постарше на полгода. Вадим Монокин срубал сучки да как шибанёт по колену топором – кровь полилась, кожа побелела, прямо дыру видно. Загнули ногу ремнём. Я поволок его к дороге на Сибирский тракт. А на дороге машины редкие-редкие. Вдруг видим: на счастье едет машина. Чудо просто! Тащу его, что есть сил, чтобы успеть. Оказалось, это наша школьная машина. Там тётя Ариша, техничка, и завуч Хайновский. Забрали Вадима, увезли в больницу. Хорошо, что коленную чашечку не повредил. Зажило все. Через полгода, в ноябре, его в армию забрали. Пришел после войны и стал чемпионом Тюменской области по штанге в среднем весе. Петр Юлианович Хайновский в школе вел математику, а потом возглавлял школу талантливых математиков Тюмени.

Школу окончил в 1944 году. Экзамены сдавали, сочинение писали. Был и выпускной. В 1944 г. уехал из Тюмени учиться в институт. Учился сначала в Московском авиационно-технологическом институте, потом – в Ленинграде, где окончил политехнический институт.

Вера Николаевна Кубочкина (Калугина)

Я ждала наступления лета, чтобы вновь во время отпуска родителей поехать в деревню к знакомым, где будут парное молоко, морковка прямо с грядки, ягоды и грибы. На всю жизнь в памяти остались сверкающие хрустальные брызги воды на фоне ослепительно яркого солнца, когда мы купались на отмели Пышмы с деревенскими ребятишками.

Однажды (а было это в апреле 1941 года) узнала, что отца как командира запаса Красной армии (уже в который раз!) должны направить на переподготовку в военные лагеря, но не на полтора, как раньше, а на три месяца. Это была моя самая большая печаль, ведь срывалась наша поездка в деревню! Но на этот раз его на сборы не отправили, по каким-то не известным нам причинам отложили...

И вот наступило 21 июня. Набегавшись, заснула, как говорят, без задних ног и вижу сон: обнесенный жердями огромный огород, на котором – видимо-невидимо растущей крупной свеклы. Вдруг сюда заходит страшное чудовище с рогами и начинает ее выдергивать. Внешне оно напоминало тех «псов-рыцарей», которых мы помним по фильму «Александр Невский», который я видела много позднее, уже во время войны. И вот вижу, как это существо вырвало чуть ли не половину всего огромного огорода и приближается ко мне. Тут я проснулась вся в слезах и дрожа от страха. Позднее мама назовет этот сон вещим. Прошло семь десятков лет, а помню все до мелочи и поныне не могу объяснить этот факт.

Наступило 22 июня. Рано утром отец уехал на рыбалку. Мама хлопотала по дому, а я была во дворе со своим месячным братишкой Алешкой (он родился 17 мая). Лежал он в корзине, а я прыгала с сачком и ловила майских жуков, было их очень много, больше я никогда не видела такого количества. Хозяйка дома, где мы жили, тогда сказала, что это не к добру. Так и случилось. Полдень. Вдруг выскакивает на крыльцо встревоженная мама и

говорит, что сейчас будет передано важное правительственное сообщение. Мгновенно мы оказались в комнате. И сейчас вспоминаю этот момент с содроганием. Запомнилась оцепеневшая у черной тарелки-репродуктора мама. Это было выступление главы правительства В.М. Молотова, которое заканчивалось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Так мы узнали о начале войны. Через час стукнула калитка, это вбежал папа, по дороге узнавший страшную новость. Он бросил все вещи, подбежал к умывальнику, быстро умылся, переоделся и побежал (именно побежал!) в военкомат.

Рисунок Василины Мехоношиной, 12 лет.

Мы с мамой тоже выскочили за ворота и увидели людей, бегущих в центр города. Я присоединилась к ватаге мальчишек из соседних дворов и тоже помчалась туда.

А в это время на площади у здания военкомата собралась огромная толпа (потом назовут цифру – 20 тысяч человек). Были митинг, запись добровольцев. Этот факт запечатлен на картине тюменского художника С. Лопатина.

Домой отец прибежал уже под вечер, собрал вещмешок и наутро попрощался с нами. Больше мы его не видели до 1945 года. А повестку принесли домой только через день. В ней значилось: «Явиться для отправки в Красную армию. Немедленно». Так она и осталась у нас в семье.

Думаю, что в этот памятный день 22 июня 1941 года отец преподнес нам первый урок патриотизма. В сохранившемся военном билете записаны названия фронтов, где он воевал. Это – Северо-Западный, Калининский, Брянский, I и IV Украинский.

Так и прошагал майор Николай Васильевич Калугин по дорогам войны долгие четыре года. На фронт ушли еще семь человек из ближайшей родни (дяди, тетя, двоюродные братья и сестры). Потом пошли и похоронки. К счастью, отец остался жив и вернулся в родную Тюмень.

Голод, холод, болезни, тревога за близких. Помню, с каким страхом всегда ждали почтальона: что он принесет – то ли радость, то ли, не дай Бог, горестное казенное письмо...

Изменилась вся жизнь. И мы, дети, сразу стали взрослыми. На мне было немудреное домашнее хозяйство и главное – братец. Мама на работе, а я с

«Вставай, страна огромная». Рисунок Полины Поповой, 12 лет.

ним. Самым неприятным для меня была стирка пеленок. Но, ухаживая за ним, получила большой опыт, пригодившийся, когда появились свои дети. Он очень любил гулять, и когда ему было около двух лет, всегда тянул меня к зданию госпиталя (теперь архитектурно-строительный университет). Дело в том, что раненые всегда, завидев нас, бросали из окон то конфеты, то кусочки сахара. Наверное, мы им напоминали их малолетних детей.

Это здание запомнилось мне еще и тем, что мама и соседки-солдатки часто ночью выбегали на улицу и со слезами на глазах смотрели, как из задних ворот, выходящих на улицу Ямскую, где мы жили, вывозили летом на телегах, зимой – на санях умерших от ран бойцов. И когда бываю на площади Памяти в областном центре, смотрю на монумент и опять вспоминаю эти факты. Зрелище-то было не для слабонервных.

Вспоминаю и другой случай. Однажды пошла в магазин на улице Республики выкупать по карточкам хлеб. Очередь была огромная, стоять пришлось долго. Получив злополучные граммы, радостная, вприпрыжку помчалась домой. А по дороге из дырочки авоськи выковыривала малюсенькие кусочки хлеба. Дорога-то была все-таки дальняя, я так увлеклась этим занятием, что и не заметила, как съела почти все. И, растерянная, остановилась перед матерью, которая вышла на крыльцо меня встречать.

Смотрю, а у нее на глазах слезы. Тогда я подумала, что ей жалко съеденного мною хлеба. И только позднее поняла, что ей больно было видеть своих голодных детей.

Да, время было трудное. Но государство заботилось о детях и делало все возможное, чтобы помочь. И тогда, в тех условиях, ведь не было бездомных, попрошайек и т.д. Открывались детские дома, все были пристроены.

«Госпиталь». Рисунок Валерии Королевой, 11 лет.

А какую заботу проявляло тюменское руководство, когда в город привезли почерневших, изможденных ленинградских детей!

В школе ученикам давали по 50 граммов хлеба (правда, со всякими добавками и овсяными «охвостьями») или маленькие пончики. В большую перемену на подносе их раздавали дежурные. Если кого-то по болезни не было, то поочередно получали эту дополнительную порцию. А как мы ждали этого случая!

Чувство голода было всегда. Была и мечта: вот окончится война – и довольны наедемся черного хлеба с солью! Но для ее осуществления оставались еще годы.

В городе была и так называемая молочная кухня, хотя молоком там, конечно, и не пахло. Но в обязательном порядке малышам давали граммов сто ущицы из гольяна и столько же пшенной каши, сваренной на воде, правда, с льняным маслом. И витаминизированный, приготовленный из хвои, напиток.

Никогда не забыть одного случая. Несу своему братцу эту еду. А самой так хочется есть! Ну, думаю, отхлебну глоток и все. Отхлебнула раз, потом второй. Глянула в баночку, а там только гольян остался. Потом из другой посуды пальцем стала вытаскивать и кашу. И опять, когда увидела, что съела-то все, – испугалась.

Школа тоже перестраивалась на военный лад. Появились занятия по изучению противогАЗа, отравляющих веществ, оказанию первой медицинской помощи – все это входило и программу 5-го класса, в котором я стала учиться, когда началась война.

Строевая подготовка проводилась на улице. Ею руководил военрук из числа фронтовиков, получивший

«Свеча». Рисунок Анастасии Дживелик, 11 лет.

ранение. Маршировали мы тогда по улице с выстроганными из дерева «ружьями» и были уверены, что непременно скоро попадем на фронт.

Тогда же на классном часе узнали и о Зое Космодемьянской. Даже помню фотографию из газеты «Правда», которую нам показала учительница.

В коридоре висела большая карта, на которой ежедневно по сводкам Совинформбюро отмечали линию фронта и, придя в школу, прежде всего бежали посмотреть, что на ней появилось нового.

Еще мы собирали металлолом, который отправлялся на заводы, а взамен на фронт отправлялись самолеты и танки «Юный патриот Тюмени», «Малютка», «Тюменский пионер» и другие.

Выступали в госпиталях с концертами (я всегда была чтецом), писали письма тем раненым, кто не мог это сделать сам. И несли в Фонд обороны (так называлась эта акция) из дома белье, носки, варежки. Мама оставила только одну пару белья в надежде на возвращение отца с войны. Остальное все было отдано.

И вот что главное: несмотря на трагическое развитие событий, особенно в начальный период Великой Отечественной, ни у кого не возникало даже мысли, что мы не победим. Уверенность была полная.

Валентина Павловна Лазарева (Охотникова)

Во времена моего детства Тюмень называли «столицей деревень». Город был небольшим, провинциальным, грязным. Тюменская грязь прославилась с легкой руки классика Антона Павловича Чехова, но все равно город был всегда любим. Это моя малая родина. Более точно, я родом из Ямской слободы. Жила напротив Троицкого монастыря. Здесь прошла вся моя юность (а это были военные и послевоенные годы), и не только.

Захотелось побывать в этих местах. Выхожу на площадь перед Троицким монастырём. Теперь это площадь имени Филофея Лещинского с памятником просветителю, а раньше был пустырь – место детских игр. Посреди площади стоял высокий столб с закреплёнными на его вершине канатными веревками, которые внизу заканчивались большой петлёй. В петлю «садились» подростки и начинали раскачиваться. Это сооружение называлось исполинкой. Для такой забавы нужна была определённая смелость. Здесь же играли в лапту, в городки. А во многих дворах устраивалось такое развлечение: на короткое брёвнышко клали длинную доску, на конец которой становились по одному. Затем поочередно подпрыгивали.

Ближе к дороге, которая, как и теперь, проходила вдоль стен монастыря, но была грунтовой, частично покрытой деревянным настилом, стояла водокачка – небольшая такая избушка. Для подачи воды выводили трубы на разных уровнях. Помнится, через низко расположенную трубу наливали воду в ведра. Продавали по одной копейке за ведро. Деньги опускали в небольшой ящичек, который был вмонтирован в оконную раму водокачки и как челнок сновал туда-сюда. Женщины шли за водой с ведрами на коромысле. В семьях, где росли девочки, были специальные детские коромысла и небольшие ведёрки. И у меня было такое коромысло, похожее на мамино.

Через верхнюю трубу с большим диаметром наливали бочки, чаны, которые подвозили летом на телеге, зимой – на санях с помощью лошадей. Зимой водокачка покрывалась множеством длинных сосулек и была похожа на сказочную избушку. Очень было распространено катание на коньках за лошадью, запряженной в сани. Можно было видеть такую картину: ребята цепляются за сани длинными крючками из толстой проволоки и едут, пока не заметит их возница. Хотя лошадь не машина, но это занятие безопасным не назовешь. Автомашина, кстати сказать, была явлением редким.

В летние месяцы подростки, взрослые и даже целые семьи с большим удовольствием ходили на Туру, благо, река была рядом. Спуск между Троицким монастырем и садом деревообделочников был удобным, а пляж, конечно, диким, но с «золотым» песком. Сад был обнесен деревянным забором. В саду (он ещё назывался Дунькиным – по имени женщины Евдокии) вечером перед духовым оркестром «сколько ж здесь было танцующих пар. Сколько ж здесь песен звенело». А днем ребяташки играли тут в прятки. Прятаться было где: три аллеи из клёнов, тополей и сирени. Помнится, на территории сада как-то вырос двухэтажный деревянный дом, в нём жил тюменский художник Александр Митинский.

Теперь территорию сада «доедает» река Тура. Я очень тревожусь, что аппетит реки растет быстрее, чем строительство набережной. С высоты садового крутояра, как и сейчас, Заречье было видно, как на ладони, но самым ближайшим объектом был деревянный мост, построенный в 1924-1926 годах. В отличие от современных мостов, первый мост через Туру был построен низко над водой в устье Тюменки. Два центральных пролёта были сделаны так, чтобы под ними проходили речные суда.

«Ямская слобода». Рисунок Полины Пестовой, 11 лет.

В 1982 г. центральный пролёт моста сорвался с опор и рухнул в реку. Мост остался только на фотографиях и в памяти тюменцев, в моей в том числе. Теперь его заменил мост Влюблённых.

Далее выхожу на Никольскую площадь, начало улицы Луначарского (Никольской). Я не только хожу всю жизнь по улице Луначарского, но улица Луначарского прошла через всю мою жизнь.

Первым моим «университетом» был детский сад № 12, размещавшийся в полукаменном двухэтажном доме вблизи Крестовоздвиженской церкви на улице Луначарского. В этом же доме располагалась библиотека (теперь на этом месте пятиэтажный дом, первый этаж которого занимает гастроном). Начальное образование я получила в школе № 10 (ул. Луначарского, 8), аттестат зрелости – в школе № 26 (ул. Луначарского, 40).

На этой же улице жил мой будущий муж. Мы жили на разных сторонах улицы, и наши окна не смотрели друг на друга, но всё-таки мы увиделись. И на этой улице сложился наш семейный союз. Здесь появились наши дети, и на этой улице прошли почти 50 моих трудовых лет.

Я помню улицу Луначарского в военные и послевоенные годы, застроенную маленькими одноэтажными домами с тесовыми крышами, со ставнями на окнах. Деревянной резьбы, так характерной для Тюмени, было очень мало. Не было на улицах Луначарского и Ямской палисадников с черёмухой да рябиной, которые были почти у каждого дома на других улицах Ямской слободы. Ворота некоторых домов имели узорчатые металлические украшения, встречались и дымники. Двухэтажные дома, как и дома в кирпичном исполнении, были явлением редким – ведь это самая древняя улица Затюменки. Крестовоздвиженская церковь была

«Дунькин сад». Рисунок Елизаветы Жиряковой, 10 лет.

разрушена, а вот дома, построенные стараниями купцов, стояли (и стоят крепко до сих пор). Здесь, как и прежде, красуется шедевр зодчества – бывшее коммерческое училище (теперь архитектурный университет), визитная карточка Тюмени. Это моё любимое место города. Утверждалось, что автор проекта – Вячеслав Олтаржевский, а теперь выясняется ещё одна фамилия проектировщика – Иван Иванович Рерберг. И теперь историкам предстоит выяснить, кто же автор проекта. А может быть, оба? Они были знакомы, но, независимо от авторства, хочется сказать спасибо архитектору и купцам Колокольниковым за создание такого архитектурного великолепия! С образованием области здесь размещались руководящие структуры. Парадная дверь у здания была одна, теперь их три, но функции свои они потеряли.

Красно-кирпичный добротный дом №14 (1905 г.) своим появлением тоже обязан купцам Колокольниковым. Здесь была частная, затем средняя № 22, теперь вечерняя школа. В 2005 году в школе был праздник в связи со 100-летием здания! Я была на этом празднике – единственном в моей жизни юбилее здания! Строили на века! Немало сделали Колокольниковы для Тюмени. Теперь я понимаю, почему моя мама при жизни всегда с благоговением произносила фамилию Колокольниковых.

Сейчас в этих зданиях звучат смех и говор молодых, «грызущих» гранит науки. А в годы военного лихолетья они были наполнены стоном и болью раненых, здесь размещался госпиталь. Группами и в одиночку мы, молодёжь, посещали раненых, ухаживали, выступали с концертами художественной самодеятельности. На углу с ул. Казанской (дом № 8) размещались начальная школа № 10 (теперь это часть архитектурного университета), в доме

«Строительная академия». Рисунок Марии Чистяковой, 11 лет.

№ 10 – где жили Колокольниковы – обозостроительный завод, теперь это ОАО «Металлист».

Улица Луначарского была единственной улицей Ямской слободы с твердым дорожным покрытием – булыжником, да потом, чуть позже, ул. Коммунистическая сменила своё деревянное покрытие на булыжное. Тротуары были деревянными, у каждого дома разные, т.к. строителем был владелец дома. Некоторые до метра шириной, а какие-то в виде узкой деревянной тропинки. Нередко было так: встанешь на один конец доски, а другой поднимается. Стандартные широкие тротуары были только на улице Республики, но тоже деревянные. Уборка уличных территорий, прилегающих к частным домам, вменялась в обязанность домовладельцев. Было даже такое – обязывали чистить проезжую часть дороги. По обе стороны уличной дороги были канавы, летом зарастающие травой. Жители пасли коз, привязанных к колышку в канавах. Почти у каждого дома кудахтали куры и важно прохаживались петухи. Многие жители улицы держали коров. Была корова и у нашей семьи, когда мы жили в доме № 42 по улице Луначарского (теперь дом снесён). Трудно представить сейчас: гостевая улица Луначарского и коровы. Но что было, то было. Для военной и послевоенной Затюменки были обычны такие картинки: школьники, запряженные в сани, везли чурки из Плеханово, чтобы дежурный класс «покормил» школьные печи. Курсанты, в то время Таллиннского училища, ходили не только под ружьём, но под поленом (шли строем, у каждого на плече – полено). В таком виде проводили учебу.

Население города было немногочисленным. Автомашин было мало, личных не было вообще, даже именитые люди ходили пешком. Так, на

«Строительная академия». Рисунок Елизаветы Максимовой, 12 лет.

центральных улицах города можно было видеть идущими прославленных артистов Тюменского театра драмы (группа была небольшой, и мы каждого артиста знали в лицо): Евгения Матвеева, в будущем заслуженного артиста, или комедийную актрису Нину Кардонскую и других. Правда, в Ямской слободе они не были замечены, ведь это была окраина города.

Здание школы № 26 было последним в Затюменке, далее располагался только военный городок. Здесь была и последняя остановка автобуса. Автобус был далёк от современного: это была грузовая автомашина-полуторка грузоподъёмностью в полторы тонны. В открытом сверху кузове в два ряда были сделаны скамейки. Задний борт имел дверцу, около неё снизу несколько ступенек лестницы. Мне довелось ездить в первозданном тюменском автобусе. Заканчивалась улица Луначарского школой № 26.

Закончилась и моя прогулка. Таким был город моей юности. Черты к портрету «столицы деревень» могут вызвать и горечь, и улыбку, но во все времена и в любой ипостаси Тюмень была мною любима. Да разве можно её не любить?! Приглашаю вас на прогулку по предзимней Тюмени. Всё познаётся в сравнении. Сравните былое и день сегодняшней. Вы увидите много нового, что появилось в сердце нефтяного штата страны. Теперь этот город – один из известнейших в мире, и другого такого в стране нашей нет. Не случайно Тюмень заняла третье место в конкурсе «Самый благоустроенный город России». Ай, да Тюмень! Теперь и до высшего пьедестала недалеко!

*Дерзай, любимый
Город над Турой.
Я горжусь тобой,
Я люблю тебя
И разумом, и сердцем.
Счастье моё в том,
Что я могу назвать себя тюменкой!*

Галина Андреевна Полозкова

Вспоминаю свое довоенное детство. В то время мои родители, я, старшая сестра Нина, дедушка с бабушкой жили в Тюмени на улице Советской, 13.

Мама очень любила цветы и умела за ними ухаживать, поэтому на всех окнах, особенно весной и летом, буйно цвели кактусы, гортензии, герани. Обычно прохожие останавливались и любовались ими.

Сбоку у калитки дома висела неприметная веревочка, если её хорошо подергать, то в доме раздавался звон колокольчика, а это значило, что надо идти открывать тому, кто пришел. Но раздавались и ложные звонки. И каково же было лишний раз и в холод, и в дождь бежать по двору.

В те годы на улицах Советской, Кирова, Челюскинцев стояли одно- и двухэтажные дома. На улице Кирова среди берез возвышалась красивая белая церковь. На всю жизнь запомнились взрывы, которые раздались ночью, разрушая, уничтожая её.

От взрывной волны во многих домах, где не было ставней, вылетели стекла. Полуодетые люди выскочили на улицу, не понимая, что случилось.

Старушки плакали и крестились, мужчины стояли, крепко сжав зубы, я, дрожа от страха, схватила маму за руку.

Развалины эти так и лежали, пока через много лет там не построили деревянную двухэтажку. Сейчас на этом месте район прекрасных коттеджей.

Неширокая улица, на проезжей части которой могли разъехаться лишь две телеги, запряженные лошадьми. Автомобили проезжали очень редко.

В 1937 году обычно ночью было хорошо слышно, как подъезжал к тому или другому дому «черный ворон» – машина НКВД и увозила очередного «врага народа», добрых, как выяснилось через много лет, невинных людей. Не миновала судьба и нашего дома, арестовали соседа, который, работая бухгалтером, что-то сболтнул в компании, – и сразу «враг народа».

Зимой по бокам возвышались большие сугробы. Вдоль тротуаров прокладывали лыжни, по которым катались на самодельных лыжах ребята и школьного, и дошкольного возраста.

Помню, дедушка (он был экипажных дел мастер) сделал мне, пятилетней внучке, деревянные коньки с металлическим лезвием. Это были хорошо отделанные бруски с заточенными носами. Они закреплялись на валенки при помощи веревочек и палочек.

Я каталась на них по тротуарам. Эти коньки служили мне много лет, пока не появились настоящие «снегурочки», которые тоже привязывали к валенкам.

В редком дворе не было ледяной катушки, и ребята всегда бегали друг к другу покататься на санках, а иногда и кубарем.

Вот доброе, греющее душу воспоминание. Длинными зимними вечерами (телевизоров-то не было!) наша большая семья любила собираться за

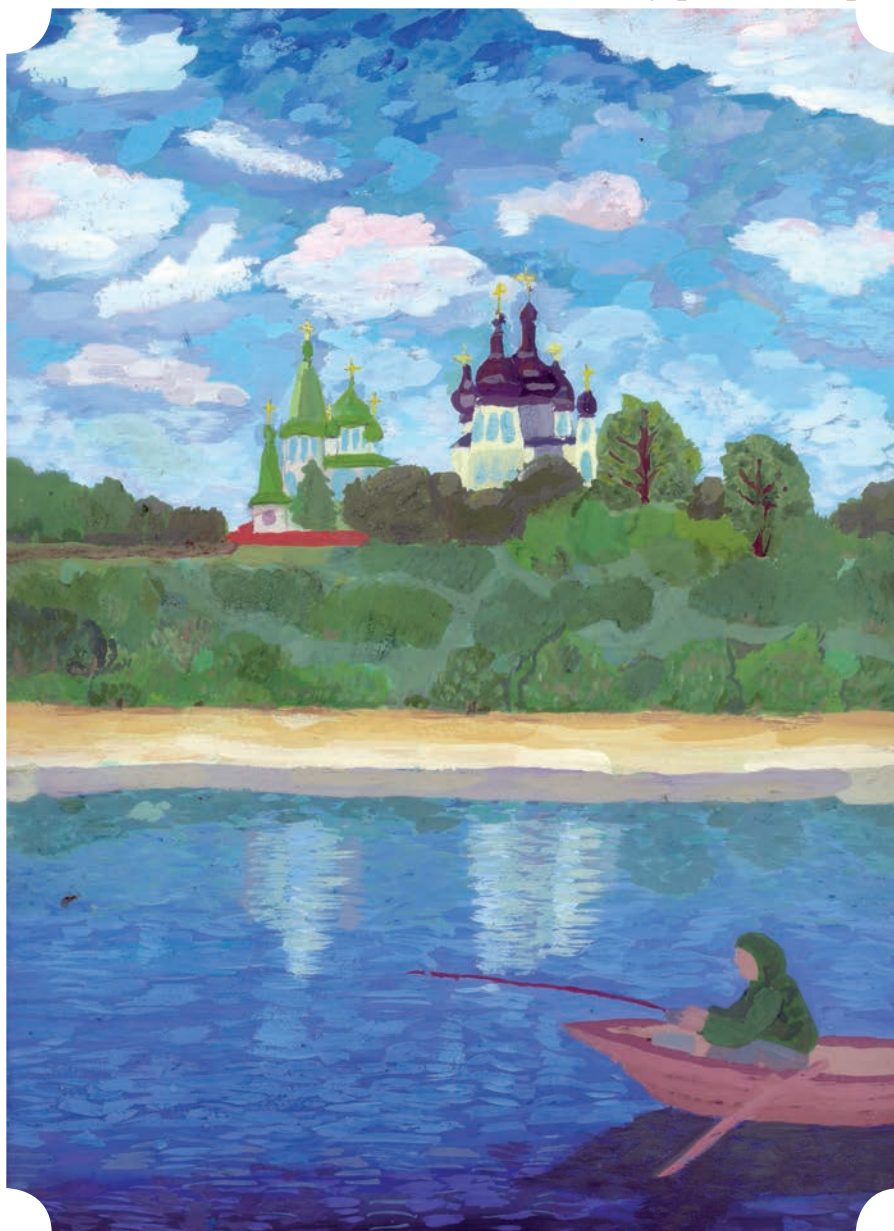

Рисунок Ники Чернявской, 12 лет.

столом, который стоял посреди комнаты. На столе пыхтел самовар, а на верху его умещался заварочный чайник. В вазочке лежали кусочки на- колотого комкового сахара. Мама приносила каленые кедровые орешки. Сестра Нина, которая уже училась в старших классах, завораживающим голосом (я её считала артисткой) читала вслух Жюль Верна, Майна Рида, Джека Лондона. Все щелкали орешки и внимательно слушали.

Вдоль деревянных тротуаров были вырыты глубокие канавы для стока весенней воды, которая, весело журча, стекала в сторону берега Туры. Вот уж было раздолье для детворы! Каждый день здесь плыли флотилии разнообразных кораблей, сделанных из бумаги, бересты, дощечек, а их «капитаны» возвращались домой с промокшими башмаками, а то и совсем мокрые. Хоть и попадало дома, но «навигация» продолжалась, пока вода не покинет канавы.

Летом по краям дороги росла трава. Вечерами тихая улочка преображалась, покончив с домашними делами, ведь многие в то время держали коров, коз, кур. Годы-то были не очень легкие, поэтому ребятам приходилось с детства помогать родителям и во дворе, и по дому. Белоручек не было. И стар и млад высыпали из своих дворов. У каждого дома была скамеечка, на которую чинно рассаживались взрослые поговорить с соседями, рассказать новости. Папа много читал газет, и поэтому около него всегда собирались соседи. А детвора с удовольствием носилась посреди улицы, играя в догонялки, прятки, лапту, свечки, лунки, в «Цепи кованы», когда две шеренги, стоявшие напротив, должны были победить друг друга. Мальчишки любили играть в бабки (это кости из вываренного холодца). Это игра на точность удара.

«Троицкий монастырь». Рисунок Элины Зимагуловой, 11 лет.

Иногда и взрослые присоединялись к нам.

Шум и гам стояли дотемна, и возвращались мы домой усталые, но довольные. После летних, особенно грозových дождей, детвора бегала босиком по теплым лужам, шлепая ногами, чтобы летели брызги в разные стороны.

В жаркие дни всех тянула к себе Тура. Мы жили в квартале от реки. Когда кто-нибудь из взрослых говорил, что идет купаться, то сразу собиралась группа соседских ребят, чтобы пойти вместе с нами. Река в те годы не была загрязнена промышленными и бытовыми отходами.

И сколько же было веселья! Спускались с высокого обрывистого берега (хотя рядом была деревянная старая лестница), затем выбирали место у воды, и, наконец, вверх летели сарафаны и майки, и все с визгом прыгали в воду.

Река дарила и другие развлечения. С одного берега (ул. Семакова) на другой была переправа. Здесь курсировала большая лодка (человек на 20), на ней был один постоянный лодочник, гребец. На веслах сидели те, кто

хотел плыть бесплатно. Плыть на этой лодке было страшновато, но завлекательно. Иногда подолгу приходилось ждать, пока не соберется то количество людей, которые могли бы грести, в основном это были мужчины, но им не уступали и женщины.

Всюду по берегу сидели рыбаки любых возрастов, а некоторые рыбачили со своих лодок. Рыбы хватало всем!

Река работала всю – напротив нас был фанерокомбинат, и постоянно к нему плыли баржи, груженные бревнами, и плоты. Иногда можно было любоваться пассажирскими пароходами с большими колесами и зычными гудками.

У нас во дворе росла большая

Рисунок Виктории Вебер, 11 лет.

яблоня (яблоки которой были с ноготок), а под ней стояли стол и скамейки. Моя бабушка была очень доброй, хлебосольной, любила угощать ребятишек, с которыми я играла. На стол ставила чугунок горячей вареной картошки, соль, давала нам по куску хлеба. Ох, как это было вкусно! А бабушка стояла и, улыбаясь, смотрела на нас.

Недалеко от Туры стояла водокачка: маленький домик, из которого торчала труба с краном. За воду надо было платить. В окошечко клали деньги либо за два ведра, которые несли на коромысле (чтобы вода не расплескалась, нужна была сноровка), либо за бочку, которую привозили на 2-колесной тележке, а зимой – на санках. Водокачка обслуживала большой район, поэтому там всегда была очередь, да и работала она в определенные часы. Зимой подойти за водой было невозможно не то что с полными ведрами, а даже с пустыми – сплошной каток.

В 1938 году папа выписал для меня ежемесячный детский журнал «Чиж». Переплетенные журналы сохранились у меня по сей день. Их читали и перечитывали десятки раз и дочь, и внук. Это было увлекательное и красочно оформленное издание, здесь писали и о советских героях, интересные рассказы, много внимания уделялось природе (особенно если о животном мире писал В. Бианки), тут были и сказки народов нашей страны, стихи, песни, рассказы, головоломки. Для меня каждый номер журнала был праздником, я не могла оторваться от него. А если было продолжение в другом журнале, как, например, «Буратино у нас в гостях», то не могла дожидаться, когда придет очередной номер. В те годы страна жила бурной и сложной жизнью, своими подвигами она потрясала мир.

Это и беспосадочный перелет Валерия Чкалова из Москвы в Америку, и спасение челюскинцев из ледового арктического плена нашими героями летчиками, и научная станция «Полус 1» с четырьмя исследователями Северного Ледовитого океана на дрейфующей льдине – Папанин, Френкель, Федоров, Ширшов. И беспосадочный перелет бесстрашных женщин – Гризодубовой, Осипенко, Расковой из Москвы на Дальний Восток. Песни, стихи, рассказы об этих людях отражались в наших разговорах и играх. Играли мы и в челюскинцев, и в папанинцев. Хотя мне было 7-8 лет, но я настолько ярко помню и радиопередачи, и то, что писали в газетах и журналах, что имена этих героев я пронесла через всю жизнь. И когда мне, уже взрослой, преподавателю университета, пришлось на съезде географов в Киеве лично познакомиться с Иваном Дмитриевичем Папаниным, который по-отечески расцеловал меня, пожелав успехов, счастьем моему не было предела. Мечта детства сбылась!

Инна Георгиевна Шаршина

Совсем маленькой я себя не помню. А мама рассказала такую историю. Купили мои родители репродуктор. Так в те времена назывался радиоприемник. Черная такая большая тарелка на подставке. На обратной стороне её в центре находилась черная круглая коробочка. Шнур с вилкой на конце соединяли с радиорозеткой, находившейся в стене. После этого радио начинало говорить. Вот мама включила радио, и зазвучала музыка. Выступал какой-то хор. Потом диктор передавал новости.

Потом читали стихи. Я внимательно слушала. На следующий день не отходила от радиоприемника. Мама хотела повесить тарелку на стену. Папа уже вбил для неё гвоздик. Я просила не вешать радио на стенку. Так оно и стояло в центре нашего круглого стола. Я ходила вокруг и слушала. Слушала и смотрела.

Так продолжалось несколько дней. Потом я, четырехлетняя, спросила: «Мама, я понимаю, как говорят дядя и тётя. Они маленькие, как Мальчик-с-пальчик. Они превратились маленькими и сидят там, в коробочке. Но как там помещается хор? Почему мы хорошо слышим их голоса из Москвы?».

Мама объяснила, что в радиоприемнике никого нет. Что речь людей и песни хора записали в радиостудии, а потом эту запись включили в радиопередачу. Когда мы включаем радиопродуктор в розетку, то радиоволны проходят через эту коробочку, и мы слышим голоса.

Мама рассказала мне мою реакцию на её объяснение: «Ты глубоко-мысленно помолчала несколько минут, о чем-то думая, видимо, твое воображение представляло что-то необычное, сказочное, а в объяснении ни-

какой сказки нет. Потом сказала, что это совсем просто и неинтересно. Повернулась и ушла в другую комнату. Больше радио и другая техника тебя не интересовали». Тарелку радиоприемника спокойно повесили на гвоздик в стене.

Когда мне было десять лет, мы жили в Заводоуковске. Переехали в это уютное, утопающее в зелени село из шумного пыльного Омска в начале января 1941 года. Здесь все настраивало на тихую, мирную жизнь. Заводоуковск стоит на реке Ук. Это спокойная, красивая река, о таких старожилы говорят: «Курица с берега на берег перейдет, не замочив лапок». И вдруг весной, с на-

«По дороге в школу». Рисунок Ивана Андреева, 12 лет.

чалом ледохода, река взбунтовалась. Началось настоящее стихийное бедствие. Жители села были напуганы силой половодья. По селу пронеслась весть, что вода в реке быстро поднимается и рушит все на своем пути. Взрослые и дети побежали на высокий берег реки. Мы с мамой тоже пошли посмотреть наводнение.

Картина была страшной. Коричневые волны от поднятого со дна песка и глины ударяли о берег, и огромные куски земли падали вниз. На том месте, где мы стояли, река делала небольшой поворот, и поэтому берега рушились с большей силой. На берегу стояла огромная красивая сосна с разветвленной кроной. Волны оголили корни дерева, и она держалась за счет нескольких длинных корней, уходивших в сторону села. И вдруг сосна начала постепенно падать в реку. Сначала опустилась крона, затем ствол, и обнажились мощные корни дерева. Сосна упала в воду, и нам показалось, что у дерева две пушистые кроны. Она поплыла вниз по течению.

Жители Заводоуковска опасались за свои жилища. На берегу стоял деревянный дом, в котором хозяева только что отпраздновали новоселье и уехали в другое село в гости. Люди закричали: «Надо срочно спасать дом». Побежали, взяли багры, быстро вынесли из дома кое-какие вещи и баграми стали растаскивать дом на бревна. Только оттащили последнее бревно, как берег, на котором стоял дом, рухнул в воду.

По реке с шумом плыло все, что захватила с собой сильная река. Плыл кухонный стол ножками кверху, шкаф, даже сарайчик. Вдруг мы увидели, как проплывает стог сена, на котором стоит и блеет маленькая овечка. Она как бы плакала, глядя на воду, и не знала, что делать. Казалось, что она хочет прыгнуть в воду. Дети стали кричать ей: «Не прыгай, не прыгай!». Нас

Рисунок Алисы Холманских, 10 лет.

поддержали и взрослые. Все понимали, если она упадет в воду – то точно погибнет. Так и проплыла она на стог сена, и я не знаю, что с ней стало.

Река снесла мост через реку. На противоположном берегу находился зерносовхоз.

Увиденное в детстве стихийное бедствие настолько потрясло меня, что спустя много лет, в свои восемьдесят, я вспоминаю его в мельчайших подробностях. Мы с мамой приехали в Тюмень из Заводоуковска 1 января 1942 года. Приехали к папе, который жил и работал в Тюмени с начала войны. Его перевели из Заводоуковска в Тюмень на должность председателя исполкома Тюменского района. Его место работы в то время находилось в Новых юртах. Сейчас это район Парфеново. Наш деревянный дом находился напротив татарского кладбища. Сейчас это улица Дружбы, 1. За домом начиналось поле. По этому полю, занесенному снегом, дети ходили в школу на лыжах. Четвертый класс я заканчивала в маленькой одноэтажной школе в Парфеново.

Через много лет на основе нашей Парфеновской создали нынешнюю школу № 39, где в музее почетное место занимает фотография нашей старенькой школы.

У меня был портфель, а многим детям их мамы или бабушки шили обыкновенные мешочки вместо портфелей. Школьники писали на уроках деревянными ручками с перышками, обмакивая их в чернила. Чернильницы назывались «непроливашки». У них горлышки не поднимались вверх, как у бутылочек, а загибались внутрь. И из них действительно не проливалась жидкость. Но дети нашего времени многое делали самостоятельно. Сами разводили чернильный порошок. Сами наливали жидкие чернила в чернильницы. Но часто наливали неумело, переполняя их. И тогда чернила проливались. Ими были испачканы наши портфели и сумки, тетрадки и учебники, платья и руки.

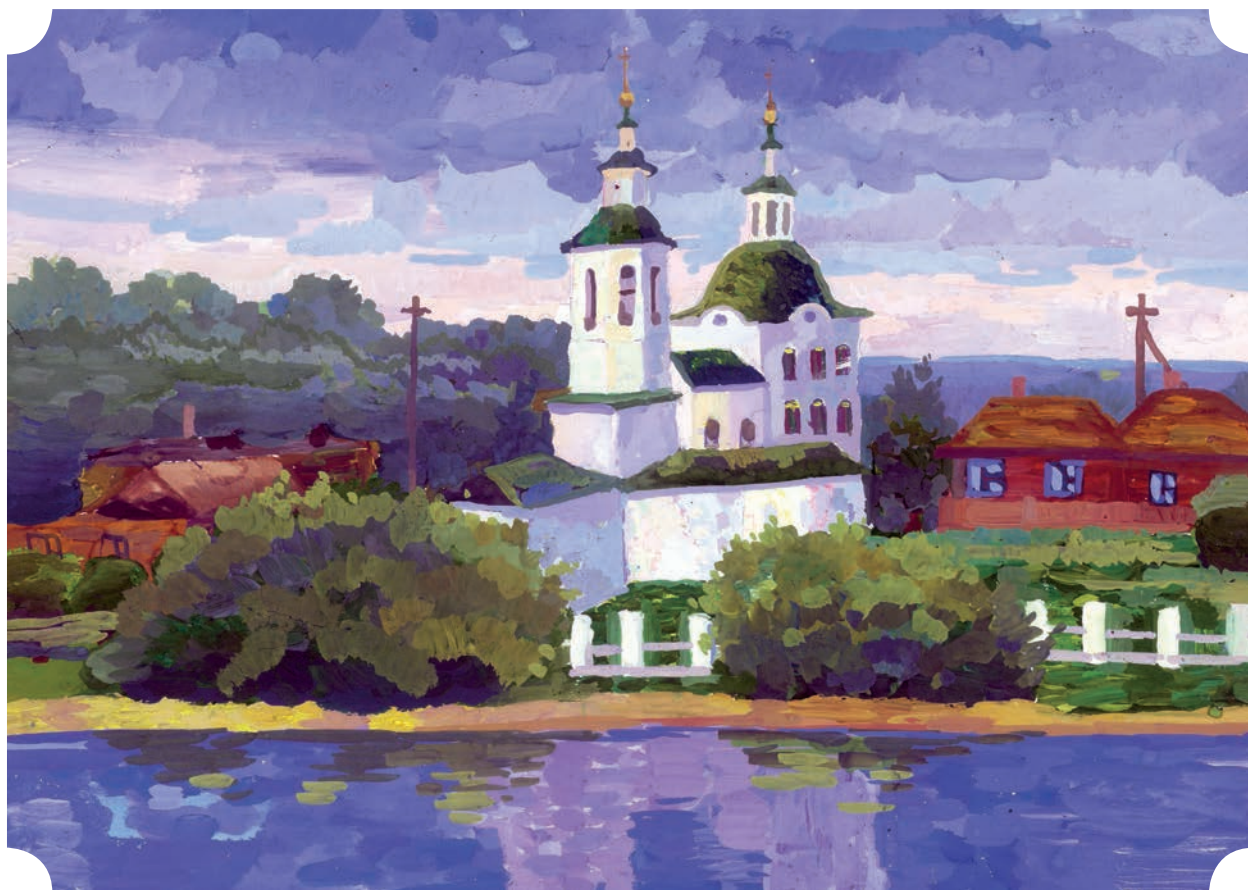
Ручки, перышки и чернильницы продавали в книжных магазинах. Во время войны тетрадей в продаже не было. Тетради выдавались в школах, но их на весь учебный год не хватало, поэтому делали сами, сшивая газетные листы, разрезанные по размеру тетрадей. Или из книг. Тогда не надо было ничего разрезать. А писали мы между напечатанных строчек.

Учебники были довоенные – у кого сохранились от старших братьев и сестер, кому давали друзья. Иногда одним учебником пользовалось 2-3 человека.

В пятый класс я пошла в школу №25, которая находилась на улице Республики, 15. Мы переехали в другой дом, в город. Стали жить по улице Челюскинцев, 3, около реки Туры. К новым ученикам я быстро привыкла, и многие из них стали мне друзьями на всю жизнь. В новой школе у меня появилось серьезное увлечение гимнастикой. Наш тренер по гимнастике Павел Александрович Иоанидис проводил занятия в школе после уроков. Для удобства тренировок попросил директора школы объединить своих младших учеников-гимнастов в один класс. Мы очень любили своего тренера и звали его Палсаньч. Упражнения, которые нужно было выполнять, нам показывали старшие ученицы из девятого класса. Палсаньч наблюдал, делал замечания и учил выполнять упражнения красиво. Если на брусках или перекладине дети висели, не вытянув пальчики на ногах, или сидели, согнувшись, то легонько шлепал длинной линейкой по коленкам, спине или пальцам ног. Сразу выпрямляли ноги, вытягивали свои ножки в струночку.

Когда учились в 6-м и 7-м классах, зимой любили после уроков ходить на лыжах по замерзшей Туре. Там были проложены многочисленные лыжни для взрослых и детей. Часто участвовали в школьных лыжных соревнованиях. Любили лазить по сугробам. У всех были сшиты длинные шаровары, которые натягивали сверху на валенки, чтобы снег не попал внутрь. Шли к реке, бросали свои портфели и мешки с учебниками и тетрадками, а сами бродили по сугробам, прокладывая длинные дороги, кувыркались, падали. Домой приходили все мокрые. Сушила шаровары, варежки, пальтишки. Нас ругали мамы и бабушки, беспокоясь о нашем здоровье. А мы не могли отказаться от забав и снова шли на высокий берег Туры, чтобы вдоволь наиграться.

На переменах в школе играли в «Цепи кованы» или в «А мы просо сеяли». Игра «Цепи кованы» заключалась в том, чтобы один человек, разбежавшись, смог разнять руки крепко сцепившихся одноклассников. «А мы просо сеяли» – это две шеренги учеников поочередно наступали друг на друга. Одни со словами: «А мы просо сеяли, сеяли», а другие: «А мы просо вытопчем, вытопчем». Придумали игру «Я – мячик» – это чтобы согреться, потому что в школе было холодно. Играли на переменах вдвоем. Один, сидя на корточках, подпрыгивал, как мячик, а другой, положив руку на его голову, считал, сколько раз подпрыгнет его товарищ. Так прыгал «мячик», пока не упадет или не откажется прыгать. Затем игроки менялись местами. Кто прыгнет большее число раз – тот победитель. Иногда даже устраивали соревнования между победителями разных пар. Много было игр в летнее время. Любили играть в мяч: лапту, штандр, бегали в догонялки, прятки.

«Вознесенско-Георгиевская церковь». Рисунок Анастасии Первушиной, 12 лет.

В школу дети ходили в той одежде, какая была дома. Школьную форму ввели в 1948 году. Я была уже выпускницей.

Дома с двумя подружками-соседками любили играть в игру «Угадай географическую точку». У нас в квартире на стене висела географическая карта мира вместо ковра. Ведущий рассматривал карту, а потом давал задание игрокам отыскать на карте нужную географическую точку по наводящим вопросам. Например, ведущий говорил: «Угадайте город на букву «П», расположенный на реке «Сена». Ответ: «Париж».

Нам хотелось играть. Но мы часто выполняли тяжелую работу, под силу взрослым. В 6-8 классах ходили заготавливать дрова для школьных печей. Зимой ходили далеко – в березовую рощу за речкой Бабарынккой. Мы, как младшие школьники, не рубили деревья, а собирали сушняк в кучи. Рубили старшеклассники или взрослые.

Зимы в годы войны были холодными. 8 ноября 1943 года во время работы сбора сучьев моя подружка обморозила щеку. Стала тереть ее снегом и сделала еще хуже. Щека долго не заживала.

Весной и осенью спускались по Масловскому взвозу к реке, где лежали прибитые к берегу бревна. Распиленные бревна цепляли за торчащие ветки, и несколько человек тянули наверх. Ноги скользили. Мы падали, вставали, снова тянули. Потом тащили мокрые деревья по взвозу наверх по городским улицам на школьный двор, где сами пилили эти толстые, мокрые бревна. Старшие школьники их кололи топорами. Потом мы носили дрова к печам. Топить печи нам не разрешали, хотя домашние печи топили сами, потому что матери подолгу задерживались на работе, а отцы были на фронте.

Многие события детства связаны со школой. После седьмого класса и сдачи экзаменов мы попросили классного руководителя устроить вечер с чаепитием. Но как это можно было организовать, если в магазинах все продавалось по продуктовым карточкам? Их по норме выдавали нашим родителям. Но мы придумали. Кто мог, принес из дома понемногу – по полстакана и меньше – муки, какая была. Ссыпали в одну кучку разных сортов: пшеничную, ржаную, обойную. Стали думать, где бы достать сахару. Надо было примерно два стакана, чтобы можно было испечь два сладких пирога. Мы стали копить булочки, которые нам выдавали на большой перемене. Они были очень маленькие, граммов по 50, и кругленькие. Накопленные за неделю булочки пошли продавать на базар. Мальчишки кричали: «Налетай – подешевело». Торговали активно, девчонки создавали обманную очередь, чтобы привлечь покупателей. Быстро раскупили все булочки, купили на базаре два стакана сахару, и учительница испекла пироги.

Вспоминается ещё один неожиданный праздник. Его устроил детям мой папа. Дело было в Масленицу. На двух лошадях, запряженных в сани, он поехал с утра пораньше в Тюменский район на собрание. Скоро вернулся обратно, потому что собрание прошло быстро. Он предложил покатать меня и моих друзей по городу в этих санях. В Тюмени лошадей было больше, чем машин, но никто из нас на паре лошадей не катался. Эта радостная новость быстро облетела всех моих подруг и знакомых. Мы катались по городу под веселый звук колокольчика. Одна группа детей сменяла другую. Это было незабываемо. Бывает, что и сейчас, когда мы, уже бабушки и дедушки, встречаемся, вспоминаем детство и его радостные события с удовольствием.

Лидия Павловна Каюкова (Прокофьева)

Когда началась война, я закончила 1-й класс. Школу № 1, где мы учились, передали под госпиталь. Вся детвора из нашего дома стала ходить в начальную школу №1 (по улице Семакова).

Деревянное двухэтажное здание с красивыми наличниками – это наша девятая школа. В ней было очень уютно: на каждом этаже – просторный «зал» (он же и актовый, и физкультурный), из которого мы попадали в классы. Наш, конечно, был самый лучший. На больших окнах висели марлевые занавески с аппликациями, которые мы сами делали под руководством Антонины Ивановны: то яблоки и груши, то плетеные корзины, то цветы.

На переменах мы бегали в «зал», играли, часто выступали на маленькой сцене со стихами и военными песнями.

В школе мы проходили военную подготовку, сдавали ПВХО (противовоздушная химическая оборона), учились оказывать первую медицинскую помощь.

Военные зимы были очень суровыми. Не хватало дров, и тогда мы – вся начальная школа во главе с директором – отправились по реке Туре на Мыс, а оттуда каждый на себе волоком по снегу или на санках привез по бревну. Слово муравьи, ползали по снегу малыши в подшитых валенках, радуясь сильной помощи взрослым. Снова трещали дрова в печках, и нам опять было тепло и уютно.

Мы старались быть полезными: ходили в госпиталь, выступали с незатейливыми концертами, писали под диктовку письма, просто сидели рядом, согревая раненых теплом маленьких добрых сердец.

Рисунок Виктории Долгovas, 11 лет.

Девочки обвязывали платочки, вышивали кисеты, вязали варежки для бойцов – все это посылали на фронт от нашей пионерской организации.

Осенью 1942 года мама со своими восьмиклассниками поехала на уборочную в колхоз, а меня на сентябрь определила в детский дом, который находился за городом, на Мысу. Мне было всего 9 лет. Мама думала, что я там буду учиться, и меня будут кормить.

Но в детском доме весь сентябрь никто не учился – все дети помогали колхозу в уборке урожая: собирали колоски, убирали лен, заготавливали шиповник и, конечно, копали картошку. Картошка была чистая, белая, розовая, желтая. Мы собирали её, очищали зубами... и тут же ели, прямо сырую. В следующем году я весь месяц жила у моей учительницы Антонины Ивановны Петрушиной.

Когда я стала постарше, мама оставляла меня одну, и иногда за мной присматривали соседи. Я очень благодарна всем людям, которые согрели меня, девочку военных лет, своим теплом.

Летом мама старалась достать мне путевку в пионерский лагерь им. Зои Космодемьянской, недалеко от деревни Онохино. Еще он назывался «Онохинский». Лагерь располагался в лесу, на берегу реки Пышмы. Запомнились лагерные линейки, подъем флага, речевки, занятия спортом, песни под баян, чудесные концерты, костры в лесу под небесами во время закрытия.

Один раз, чтобы мне дали путевку, мама устроилась в лагере хлеборезкой, а на вторую смену путевки не досталось, и мама стала работать уборщицей. Ребята её нежно называли нянечкой. Мы спали с ней на одной кровати, делили один хлеб. Чего только не делала мама, чтобы её дочь была сытой и счастливой.

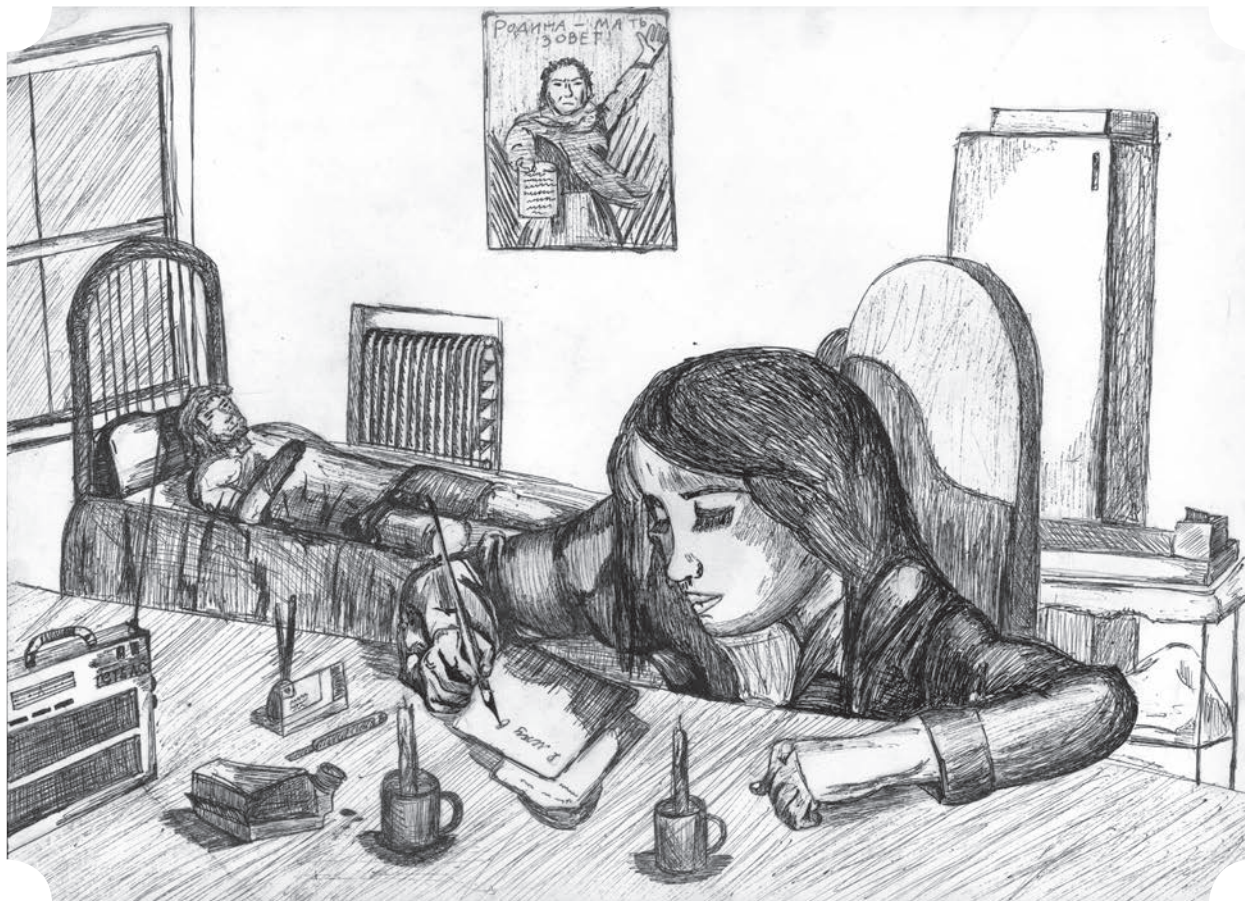

Рисунок Владимира Савчука, 12 лет.

В 1944 году, когда я была уже в старшем отряде, меня взяли в особую группу, которую готовили на областную спартакиаду. Нам давали дополнительное питание (только не хлеб, он был строго по карточкам). С нами занимались с утра до вечера. И, надо сказать, я на этой межлагерной спартакиаде выступила неплохо для своего возраста. Хорошо прыгнула в длину и пробежала в эстафете. Еще и сейчас звучит в ушах: «О-но-хи-но! О-но-хи-но!» И откуда только берутся силы – бежишь под дружное «О-но-хи-но!». Хорошо!

Нет, не погасли в наших сердцах пионерские костры!

Когда я училась в начальной школе в годы войны, у меня было светло-коричневое новенькое пальтишко с каракулевым воротничком. И вот однажды какой-то хулиганишка порезал его бритвой наискосок по всей длине спины. Мне было так обидно! Мама зашила дыру, и в таком виде мне пришлось ходить еще несколько зим. И только в шестом классе сшили новое из старого, еще студенческого папиного пальто, изъеденного молью. Но прекрасная портниха сумела буквально из полосок смастерить шикарное, как мне тогда казалось, пальто с кокеткой, с воротником, который перешили из старого маминого.

Я носила на голове мальчишескую шапку-ушанку на веревочке. На ногах – пимы, так в Сибири и на Урале называли валенки. Все были одеты бедно, но мы, ребяташки, не замечали этого. Мы катались на лыжах возле дома, на санках по улицам города, играли в снежки, делали во дворе горку и забывали обо всем.

Осенью 1944 года маме выдали ордер на получение ботинок. Тогда (в военное время) в магазинах ничего не было, одежду и обувь выдавали по ордерам. Мы получили ордер в школе, где мама работала, а я училась, за

Рисунок Виктории Вайнгер, 13 лет.

хорошие успехи в учебе. Это были новые ботиночки из свиной кожи. Как они мне были дороги!

Летом вся детвора бегала в сандалиях или босиком. А у меня в шестом классе появились брезентовые зеленые туфли со шнурками, с черным мысиком и на каблучке. Они заменили развалившиеся сандалики.

В седьмом классе, также по ордеру, маме досталось два отреза – синий сатин и цветная в клеточку бумазея. Из сатина портниха сшила мне простенькое платьице с шелковым еще довоенным маминым воротничком – для школы, а из бумазеи – красивое модное платье с круглым воротничком и продольными складочками на груди – на выход. Как я радовалась тогда...

Такое не забывается!

Тамара Борисовна Костоварова (Хлызова)

Память уносит меня в далекие годы детства. В 1939 году семья наша состояла из шести человек: папа – инженер-электрик, работал на электростанции, мама – домохозяйка; детей в семье было четверо – старшему брату было 9 лет, мне – 6 и еще двое братишек 4-х и 2-х лет.

Жили мы в то время на улице Нагорной, дом № 3, под этим номером стояли два дома: один во дворе, двухквартирный (в нем жили мы, занимая две комнаты), 2-й дом деревянный, 2-этажный, 8-квартирный – в нем жили работники электростанции, в основном рабочий класс.

Рисунок Екатерины Черкасовой, 13 лет.

Место было чудесное – со двора можно было спуститься в лог, где протекала речка Тюменка (наши мальчики со двора часто играли в логу в «казаки-разбойники»). С пригорка, что был в начале улицы, далеко были видны просторы Тюмени: красивые побережья реки, деревянный мост через Туру, дальние дали Заречья.

Какой обзор, какое необыкновенное место! Чуть подальше, на высоком взгорье реки Туры был сквер (позднее мы узнали, что он именовался Дунькиным садом), с подружками в 6-7-летнем возрасте мы бегали туда играть, гуляли по дорожкам сквера, наблюдали, как из красивого здания пединститута (ныне строительно-архитектурная академия) выходили хорошо одетые девушки-студентки. Они казались нам очень-очень взрослыми.

В эти довоенные годы мы, дети с нашего двора, много времени проводили на воздухе во дворе, летом играли в прятки, «глухой телефон», зимой катались с гор на санках.

Очень хорошо помню, как в погожие летние вечера выходили наши родные и играли на инструментах, например, мой папа играл на мандолине, а сосед дядя Паша – на гитаре.

Какое незабываемое время детства! Когда я стала взрослой, меня часто тянуло в эти места – посмотреть, вспомнить! К сожалению, несколько лет назад дома снесли – сейчас там просто заасфальтированная площадка.

В 1940 году я пошла учиться в 1-й класс школы № 22 по улице Луначарского. Мне исполнилось 7 лет.

Школьное образование начиналось с 8-летнего возраста. Моя 8-летняя подружка была уже записана в школу, и мне пришлось настоятельно уго-

Рисунок Софьи Газетовой, 14 лет.

варивать папу, чтобы он отдал меня учиться. Весной 1941 года я закончила 1-й класс на «хорошо». Оценки в то время ставились «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо», «очень плохо».

Раиса Дмитриевна, наша первая учительница (мы её очень любили), организовала в начале июня поход класса в лес. Этот теплый солнечный день навсегда остался в моей памяти. Запомнились яркая зелень, цветы и много летающих бабочек, больших и красивых. Как я узнала позднее, этот поход был в лесопитомник. Как же он был в довоенное время богат зеленью, красивыми цветами и бабочками!

В довоенные годы была хорошая традиция коллективного отдыха – в выходные дни выезды за город семьями. У нас в доме есть любительская фотография 1939 года: коллектив работников электростанции на отдыхе в лесу. Практиковались и семейные выезды. Для нас, детей, это была большая радость.

22 июня 1941 года наша семья была тоже на отдыхе в лесу близ Тюмени. Был воскресный день. Тепло, солнечно, весело. Ничто не предвещало беду.

Рисунок Александра Долгушина, 11 лет.

Отдохнувшие, веселые, мы вернулись домой и ... не узнали своего двора: заплаканные женщины, суровые лица мужчин, выступление по радио Молотова. Все враз изменилось, напряжение передалось и нам, детям. Мужчины ушли на свои предприятия (скорее всего, на городской митинг), а мы, дети, прижались к своим мамам.

Начались военные будни далекого от фронта города.

Тюмень посуровела. На улицах появилось много новых людей, часто мелькали гимнастерки военных. Сразу, с первых дней войны, начали разворачиваться госпитали. Однажды мне пришлось видеть, как по ул. Луначарского промаршировала колонна девушек в

гимнастерках. Они звонко пели песню «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы, пускай поет о нас страна...» Подумалось, что это те девушки, которые выходили из пединститута...

Вот и в нашей 22-й школе летом 1941 года развернулся госпиталь. Во 2-й класс мы пошли уже в другую школу.

Впереди нас ждали суровые дни военного времени.

Людмила Геннадьевна Дрозд (Кутузова)

*«Из тюменских переулков и аллей
Улетело детство с пухом тополей,
Отзвенела юность песней пионерской,
Отшумела молодость улицей Советской».*
Л. Дрозд.

Тюмень, Свердлова, 43 – адрес моего детства. Здесь я родилась и выросла. Дом теперь закрыт строящимся музейным комплексом, а громоздкие многоэтажки рядом ликвидировали своим появлением целый переулок, состоявший из аккуратных, уютных деревянных домов с дворами, обильно зацветавшими по весне сиренью, от которой воздух становился бело-розовым и благоуханным! Переулок начинался больницей (бывшая богадельня) – кирпичным двухэтажным домом, самым высоким и красивым, и упирался в больницу на Даудельной улице – первую и долгое время един-

Рисунок Марии Щипачёвой, 10 лет.

ственную в Тюмени. От всего нашего околотка – между улицами Советской и Даудельной – сохранилось только здание той самой богадельни. Оно и сейчас ярко белеет на фоне мрачноватых высоток, но уже не величаво, как в детстве, а трогательно. Его теперешний адрес: ул. Елецкая, 1, а Больничного переулка – совсем не стало.

Свердлова, 43 был средним из трех дворов, составлявших наш квартал.

Челюскинский двор

Двор слева назывался Челюскинский, потому что принадлежал пимокатной, впоследствии – сапоговаляльной – фабрике имени Челюскинцев. В большом двухэтажном доме, выходящем на улицу, жило много семей. Я бывала только в одной – у Ивановых. Мой главный воспитатель брат Толя, семью годами старше меня, дружил с Борисом Ивановым, а брат его, Вовка, – наш ровесник. Мама их, тетя Нюра, добрая женщина, очень похожая на мышку – маленькая, юркая, всегда в чем-то сереньком, как только мы заходили, доставала из чугунка, постоянно стоявшего на плите, картофелину в мундире и, ничего не говоря, протягивала мне. Я, смущаясь, брала, тихо говорила: «Спасибо!» и долго смаковала ее, откусывая по чуть-чуть. Иванов-отец, не знаю даже его имени-отчества, был на фронте и не вернулся с войны. Тетя Нюра работала на фабрике, а летом, ближе к осени, еще и подрабатывала ночным сторожем на фабричном картофельном поле. Толя с Борисом ей помогали, так как одной было страшно, хотя ей и выдавали на дежурство «настоящее ружье». Когда картошка еще только начинала поспевать, ее начинали выкапывать – красть, и тут уж бывало

Рисунок Елизаветы Стафеевой, 12 лет.

всякое. Помню, мама почти не спала, когда Толя «бывал в ночном», но он все равно уходил и за это приносил в конце лета несколько ведер картошки: тетя Нюра делилась своим сторожихинским заработком. Их малюсенькая, в одно окно, комната осенью превращалась в картофельный склад. От двери к столу и к плите на пол укладывались узенькие доски, чтобы проходить, а вдоль них ставились разные фанерки и картонки, за которыми по всему полу рассыпалась картошка. Если мы в это время приходили, то залезали через окно и оседали на высокой узкой приступочке, утеплявшей изнутри наружную стену комнаты. Я спускала ноги, и они как раз доставали до картошки.

На втором этаже жили две сестры – гимнастки Шараповы, хорошо известные в городе: об их успехах часто говорили по радио. Обе черноволосые, стройные, легкие, в светлых платьицах с синими поясками и в выбеленных мелом парусиновых туфельках с ремешком и синей пуговкой. Сестры очень нравились мне! Я радовалась, если они, заметив меня мимоходом, махали мне руками. Их брат Юрка, наш одноклассник, самым настоящим образом, где-то классе в третьем, спас меня, когда я тонула в грязной речушке, протекавшей по дну оврага Гилевской рощи. Стоя по колено в илистом дне, он, одной рукой держась за Вовкину руку, вторую протянул мне. Я судорожно вцепилась в нее, и они выдернули меня из воды. Зойка с Ларкой в это время стояли рядом и, перестав хохотать над моим бултыханьем, с ужасом ожидали моего спасения, а потом отвели к деревьям и заботливо усадили под сосной. Решено было взрослым ничего не говорить, чтобы не попало всем! Толя вскоре узнал, конечно, и принародно наградил меня подзатыльником – за то, что без него полезла в воду.

Рисунок Регины Журляк, 11 лет.

Еще в этом доме жила тетя Луша – красивая, статная женщина. Запомнилась она тем, что в летние выходные с утра тщательно мыла большое крыльцо в две ступени. Затем, надев длинную холщовую юбку, такую же просторную блузу с широкими рукавами и покрыв голову белым платком, босая, снова выходила на крыльцо. Скрестив руки на груди, она долго-долго стояла, не двигаясь, и глядела в небо. Я, увидев ее в кухонное окно, говорила маме: «Тетя Луша опять стоит на крыльце», а мама: «Бедная, все ждет своего Костю!». Ее сын, Костя Саланов, не раз я слышала от окружающих, в 1940-м, после окончания школы, поступил учиться на летчика, а в первые же месяцы войны пришла на него похоронка. Тетя Луша, не поверив ей, спрятала ее под клеенку, покрывавшую стол, и ни в какие разговоры о сыне не вступала. После войны она поехала на Украину, в тот город, где учился Костя, искать его. Дальнейшую судьбу их не знаю. Когда в Тюмени на мемориале у «Свечи» появились скорбные плиты с фамилиями не вернувшихся с войны, я не однажды искала в них соседа, о котором столько слышала в детстве, но его в этих списках нет. А тетю Лушу так и вижу до сих пор символом скорбящей матери – на чистом крыльце, в чистых одеждах, с чистой душой, ищущей в проплывающих облаках след своего сына.

В Челюскинском дворе был флигель, в нем жила моя ближайшая подружка и одноклассница Зоя – яркая, боевая девчонка, лучшая запевала нашей любимой школы – 2-й женской семилетней, на углу улиц Советской и Водопроводной. Мне ужасно нравилось здание школы, особенно угловой, с узорно-кружевными железными перилами, балкон и крыльцо, с красивым, под стать балкону, козырьком. Здание это, правда, значительно ухудшенное реставрациями последних лет, живо. Самым замечательным местом внутри школы была сцена – источник нашей гордости и радостей. Она находилась в рекреационном зале, в который выходили двери классов. На этой сцене мы ставили спектакли – «Аленький цветочек», «Сила коллектива», «Золушка» – и выступали на разных концертах.

Помню, как Зоя стоит впереди хора – прямая, свободная; зеленые глаза смотрят гордо и весело; темная юбка в складку и белая блузка сидят удивительно ладно; красный шелковый галстук и две огромные белые розетки из атласной ленты над «корзиночкой» косичек придают ей особую, праздничную торжественность. И хотя все девочки были одеты примерно так же, всегда казалось, что зал видит только ее и слушает, как приятный, низкий, «второй», голос, громко и четко выводит:

*«Я по свету немало хаживал,
Жил в окопах, в землянках, в тайге,
Похоронен был дважды заживо...»*

а потом, вслед за хором, завершает: «Дорогая моя столица! Золотая моя Москва!»

Игошинский двор

Правый от нашего двор называли Игошинским – по фамилии друга моего старшего брата Димы, я не помню никого из этой семьи. Наших сверстников здесь не было, но об одной семье из этого большого двухэтажного углового (с улицей Советской) дома тоже хочу рассказать. В маленькой комнатке на втором этаже жила мамина приятельница – Зельда Израилевна Гинзбург. В Тюмени она оказалась не по своей воле:

мужа «забрали» перед войной, и он не вернулся никогда. Это я узнала много позже: было принято при обсуждении некоторых вопросов удалять меня из комнаты. Кто-нибудь командовал: «Милка, выйди!». Это случалось нередко. Иногда я бунтовала, но чаще – с удовольствием убежала «на улку».

Зельда Израилевна работала заведующей аптекой облбольницы, что тогда размещалась на улице Даудельной, в роще. Я бывала в аптеке – по наружной крутой железной лестнице здания, где было приемное отделение, поднималась на второй этаж и попадала в очень чистое, тесноватое помещение с сильным «больничным» запахом и множеством разных флакончиков, коробочек, пакетиков на столах и полках. Она – маленькая, пухленькая, аккуратненькая, в белоснежном накрахмаленном халате, с копной волнистых седых волос и в очках с очень толстыми стеклами, насыпала мне в ладонку несколько желтых шариков-витаминок и медлительно двигалась по своему владению, распространяя ощущение спокойствия и достоинства. Это ее заботой появлялся временами у нас дома рыбий жир, по утверждению мамы, «спасительное средство, особенно для тебя». Иногда на нем жарилась картошка, распространяя невыносимо ужасный запах! Удивительно, но картошка, в конце концов, получалась очень даже вкусной. А есть в ту пору хотелось всегда.

Однажды летом к Зельде Израилевне приехала необыкновенная красавица – дочка Шурочка с трехлетним сыном Вовкой. И вдруг неожиданно-негаданно я стала няней этого Вовки. В мои обязанности входило один раз его накормить и самой поесть: что – ему, что – мне, все указывалось; потом поиграть во дворе или почитать дома книжку (я уже перешла в третий класс). Возвратившись с работы, бабушка внимательно оглядывала внука, улыбалась, доставала из стоявшего на полу под кроватью чемодана две конфеты «Кавказские», давала нам по одной и отпускала меня домой. Ничего более вкусного я и представить себе не могла! И вот с этими конфетами связан мой стыднейший проступок: я стала потаскивать их из чемодана! Через какое-то время меня спросили, я призналась, но точно воспроизвести диалог не могу – не помню. Знала ли мама? Меня это долго мучило! Сама я рассказать ей не решилась. А может быть, она так и не узнала?! Как же великодушно тогда поступила мудрая Зельда Израилевна – она очень любила маму!

Студенткой я побывала в гостях у нее в Москве проездом к брату в Калининград. Новая светлая квартира, красивые обои – большая редкость у нас в то время. Приветливое, спокойное обращение, вкусная еда – все очень понравилось! Вовка готовился к экзаменам в институт. Говорил мне что-то об Окуджаве, игре на гитаре. Кажется, даже приглашал куда-то вечером, но я была озабочена возможностью отдать в химчистку (по-быстрому – «в течение часа!») взятое специально для этой цели пальтишко. Проводив меня до химчистки, не очень скрывая разочарование в своей няньке: «На вид ничего, но – убогость желаний очевидна! Провинция, одним словом», – верно, подумал он. Но распрощались мы вполне дружелюбно и, как оказалось, навсегда. С Зельдой Израилевной тоже больше не виделась, а мама и сестра Лида не однажды бывали у нее, к взаимной теплой радости от каждой встречи, и переписывались – до последнего, печального, сообщения от Шурочки.

Наш двор

И, наконец, – наш двор, самый симпатичный и уютный из трех. Ворота двухстворчатые, с большим выпуклым цветком посреди каждой створки. Они запирались на длинную щеколду. Входная калитка, тоже с цветком, закрывалась и открывалась большим дутым металлическим кольцом, отполированным руками до блеска. Оно легко поворачивалось влево и вправо и влекло за собой короткий железный язычок, который удобно ложился в железную скобку при закрытии или свободно висел, когда калитка бывала распахнутой. Мне очень нравилось браться за это кольцо – всегда испытывала приятное ощущение от кажущейся тяжести его и неожиданной легкости вращения. За воротами, слева, метрах в двух от забора, рос высокий, в полной силе, тополь – любимец всего двора. Между ним и забором кем-то из взрослых был укреплен турник – неразлучный участник наших игр и спортивных состязаний. Как ловко Толя, а потом и наши мальчишки крутили на нем «колесо» и «солнце» или подтягивались по многу раз! Но любимым способом продемонстрировать свою смелость у них было лазание на ворота: бесстрашно пройти по ним, расставив в стороны руки, а зимой – с самого высокого места спрыгнуть в сугроб. В этом был особый шик!

Наружный забор сохранился до самого сноса домов, тогда как внутренние изгороди за время войны полностью исчезли, и весь трехадресный квартал стал одним общим двором. Изгороди были «съедены» личными буржуйками. Конечно, тайно. Искренность каждого заявления – «Это кто хоть опять доску из забора сбондил?!» – была абсолютной.

На улицу наш двор выходил тоже двухэтажным домом, он был поменьше соседних, но зато – самым аккуратным и даже нарядным. Наличники окон украшены резьбой, созвучной с воротами – такие же, только поменьше

Рисунок Любви Комаровой, 12 лет.

ше, цветы и еще листики в обе стороны. Сверху и снизу в наличниках были узкие фигурные прорезы, очень украшавшие их.

Окна нижнего этажа имели ставни, закрывавшиеся каждый вечер с помощью железных гремучих засовов: тяжелые болты проходили по просверленному каналу сквозь стену и удерживались изнутри всегда висевшими рядом с дыркой коническими деревяшками или просто большим гвоздем. Они вставлялись в прорезь на конце болта. Иногда мы, разыгравшись, в порыве озорства, начинали, как стемнеет, стучать в эти ставни, затем разбегались, кто куда и наблюдали, что будет. Если выходил кто из взрослых, затаивались, а если «наш брат» – хохотали вместе до упаду и договаривались о чем-нибудь важном, необходимом для следующего дня.

Наша семья – папа, мама и пятеро детей – занимала верхний этаж дома. В войну с нами некоторое время жили родственники, эвакуированные из Москвы и Житомира. Как только они уехали, мы стали жить в одной большой комнате, а в средней и маленькой поселились две новые семьи – в порядке уплотнения. Когда папа пришел с фронта, вернули сначала одну, а потом и другую комнаты, и мы снова стали занимать весь верх. Самым интересным помещением для меня были сени – просторные, высокие и красивые! Начинались они лестницей в семь ступеней, окрашенных масляной охрой. Перила были черными, блестящими, на точеных фигурных столбиках. Лестница завершалась большой квадратной площадкой с двумя входами: налево – в жилье, направо – в кладовку. От левой двери вдоль лестницы был неширокий, в две доски, проход к еще одной, маленькой, кладовочке, огражденный такими же, как у лестницы, перилами. Это место мне нравилось особенно: было так интересно, а в детстве даже чуть страшновато (часть столбиков не сохранилась) стоять там и, держась за перила, смотреть вниз – как на балконе! Кладовки же не нравились – из-за хлама и пыли. После восьмого класса я вычистила и вымыла большую – стало так просторно и чисто, что с тех пор всегда перебиралась в нее на все лето. Спала на лавке, а на пустовавших полках расставила книги, стаканчики с одуванчиками или левкоями и альбом с фотографиями артистов, их тогда покупали себе все девчонки. Здесь в непогоду мы собирались всем двором – болтали, пели, рассказывали разные истории, играли в «пьяницу», в «подкидного» или в города.

В глубине двора было два флигеля – деревянный и кирпичный. В деревянном жила семья Ардашевых. Их дочь Вера, ровесница моей старшей сестры, называла меня своей подружкой и всячески опекала: подкармливала, учила вышивать, обвязывать крючком носовые платочки. Из восьмого класса она ушла работать на какой-то «эвакуированный завод», потом вместе с ним года на два уезжала в город Горький, а вернувшись, стала работать на швейной фабрике. Помню, когда пришло время мне вступать в пионеры, мама никак не могла купить галстук. И вот завтра утром торжественная линейка, а мама опять пришла с работы без галстука! Вся в слезах, стою у крыльца, и тут идет с работы Вера. Узнав о моем горе, стала успокаивать, отчего я заревела еще сильнее. Наконец она вытерла мне слезы и строго приказала идти домой и делать уроки, «а я что-нибудь придумаю». Через какое-то время приходит и приносит красный ситцевый галстук, сшитый из половины ее платка, который надевался по праздникам – на демонстрацию, субботник или воскресник. На другой день я стала пионеркой, а в ближайшее воскресенье Вера повела меня в

фотографию, и мы сфотографировались с ней «на память», я – в этом самом галстуке.

Кирпичный флигель, все называли его «каменушкой», стоял напротив деревянного, ближе к заднему двору. Говорили, что раньше, «у хозяев», он был не то баней, не то кухней. Самое памятное событие, связанное с ним, воровская кража: летней ночью через трубу туда залезли воры и много чего утащили. Особенно страшно было то, что в доме в это время спали жившие в нем сестры-старушки – Агриппина и Анастасия Федоровны. Старшая была очень строгая, мы звали ее по имени-отчеству, а младшую, добрую и улыбчивую, – баба Настенька. После ограбления, о котором говорили очень долго, вспоминая или уж и выдумывая все новые страшные подробности, сестры перебрались жить в деревянный флигель, а семья с тремя детьми, жившая там «на уплотнении», – в каменушку. Рядом с ней был большой погреб, тоже кирпичный: целая комната, а посередине – лаз, прежде закрытый тяжелой, сколоченной из толстых досок «западной», а потом совсем открытый. Мы, конечно, лазили в него: глубоко, просторно, а чуть не доверху – лед, он не таял все лето! Со временем и погреб сделали жилым – летней кухней с подпольем.

Самым интересным строением нашего двора была – Стайка! Я не случайно пишу ее с большой буквы – такое неизгладимое впечатление произвела она на меня на всю жизнь! Огромное, добротное, просторное деревянное сооружение со множеством разных отделений, предназначение которых было нам совершенно неизвестно. Стайка становилась для нас то кораблем дальнего плавания, то сценой театра, то цирком. Капитан корабля – брат Толя, а позже – родственник нижних соседей – красивый, ловкий, умный мальчик, чуть старше нас, Левочка, – стоял на капитанском мостике, который находился на узком проходе второго этажа, огороженном красивыми, как у нас в сенях, перилами на резных столбиках. Туда вела лестница, прочная, добротная, но лишь с двумя сохранившимися наверху ступенями. Чтобы взобраться по ней, требовалась определенная ловкость. Я сумела самостоятельно преодолеть этот путь лишь в классе в третьем и была поражена огромным помещением, шедшим через всю глубину стайки справа, с двумя большими квадратными люками в полу! Далекое не сразу узнала, что эти люки предназначались для сбрасывания сена корове и лошади, которых «держали прежние хозяева». Мы уже не застали ни дверей, ни перегородок между разными помещениями Стайки. Особым украшением ее была входная дверь, вернее, ворота. Высоченные и широченные, они были укреплены справа и «ходили» свободно, описывая огромную дугу. В раме ворот из досок разной величины и формы был составлен красивый рисунок: посередине круг, а от него расходились лучи. Эти ворота служили нам источником радостей: мы по очереди, а то и сразу по двое – трое, катались на них, пока, в конце концов, не сломали.

Став постарше, мы устроили в Стайке театр, вернее, она стала сценой. Разыгрывали спектакли «Барыню», «Золушку» и концерты, с чтением стихов, пением и танцами. Нашей примадонной была Зойка, игравшая то Ваньку, то мачеху, то читавшая басню «Старуха, дверь закрой» или плясавшая «Цыганочку». Для декораций и костюмов из домов вытаскивалось все, что только удавалось найти и вынести: стулья, табуретки, платки, юбки, сарафаны взрослых. Самым великолепным был «выходной воротник» моей бабушки Пелагеи Васильевны – черная бархатная пелерина,

унизанная, в виде узора из завитушек, черным бисером разных форм и размеров. Воротник был на подкладке, невероятно красивой – из переливающейся розовым и голубым тонами – шуршащей тафты. Вокруг шеи – стойка, окаймленная черным пушистым мехом, с красивой пуговицей-брошью. Помню разговоры о том, что надо бы этот воротник предложить театру. Куда, в конце концов, он подевался, не знаю. Я выступала в нем в роли барыни, а потом его надевал в «Золушке» принц – Левочка. Между прочим, он побывал-таки в дальних плаваниях: пять лет служил на флоте, матросом. А вот Толе нашему не привелось осуществить свою мечту – не прошел по зрению. Он стал инженером-металлургом.

Нашими зрителями были родственники, не только не запрещающие, но даже поощрявшие эти увлечения, и соседи, в том числе и из других дворов. Мы и билеты продавали, а после представления «на выручку» покупали мороженое, и это тоже было действо. Все вместе шли к кинотеатру «Темп». Там, на углу улиц Республики и Дзержинского, около ресторана «Сибирь», стояла мороженщица в клеенчатом фартуке, с тележкой, на которой в специальном отверстии был установлен высокий узкий бачок. Полная, румяная, смешливая тетя Дуся круглой алюминиевой ложкой с длинным черенком доставала из бачка мороженое, плотно укладывала его в жестяную формочку, предварительно положив на ее дно круглую вафлю, а потом, накрыв еще одной вафлей, движущимся доньшком выталкивала морженку и отдавала покупателю. Формочки были двух размеров. Мы всегда брали те, что поменьше: вафель получалось вдвое больше. Каждому, конечно, по целой мороженке не доставалось. «Выручки» хватало на две, иногда на три, а то и на четыре – это когда кто-нибудь из взрослых зрителей интересовался: «Ну, что вы там насобирали?» и добавлял недостающие на число полных порций копейки. Чаще всего таким зрителем был брат Толя: он виртуозно играл в чикку, и в его карманах всегда бренчала мелочь. Держа мороженку двумя пальцами за вафли, получивший облизывал ее четко определенное число раз и передавал следующему, вафли также делили на всех поровну. В связи с этим вспоминаю причитания нашей соседки снизу тети Даши, которыми она увещевала своих сына и дочь, в то же время как бы сообщая всем, что и ее дети не лишены радостей в жизни. Делала она это так: выходила во двор, с напускным возмущением оглядывала присутствующих и восклицала: «Это надо же, дала, им по полпряничка, по полконфеточки, и все мало!» Удивительно колоритная была эта женщина: маленькая, быстрая, с голубенькими, часто моргающими, подозрительно прищуренными, как нам казалось, глазками, вечно нас за что-нибудь громко ругавшая, жаловавшаяся мамам и потому не любимая нами. Сейчас же она вспоминается с какой-то особой теплотой – поистине, «что пройдет, то будет мило».

Зимой двор был занесен снегом, в нем протаптывались тропочки к каждому дому, к Стайке или к сменившим ее убогим, но – на каждую семью отдельным, сараям и... к уборной: в домах удобства, конечно, отсутствовали. Любимыми играми в это время были снежки и катанье – на санках или на коньках, которые с помощью палочки и веревочки прикручивались к валенкам. Коньки были привилегией мальчишек, нередко и им доставалось лишь по одному. Катались в канавах, что шли вдоль улицы и заранее расчищались валенками до блеска, или – на Масловском взвозе, это уже когда становились постарше. Из девчонок первой на коньки, настоящие,

с ботинками, в пятидесятых годах, встала, конечно, Зойка. Как только на стадионе у базара залили каток, она стала ходить туда регулярно, коньки брала напрокат. Я сходила лишь два – три раза. Понравилось очень: музыка из репродукторов, веселые смелые ребята, но была я неумелой, стеснительной, да и денег не водилось: Толя уже учился в Свердловске, в УПИ, и одежды подходящей не находилось. Зойка же была отчаянная да еще и «обеспеченная»: их достаток объяснялся наличием коровы Зорьки и умением мамы тети Оли шить дочери из разных лоскутков невероятно красивые наряды. Ну и вот – я оставалась дома, готовила уроки. Зойка возвращалась, веселая, румяная, искренне сожалела, что я «опять не пошла с ней», быстренько переписывала в свою тетрадку выполненное домашнее задание и бежала домой отчитываться о сделанных уроках, что было условием для следующего похода на каток.

Летом весь двор обильно зеленел травами и акацией с желтыми сладкими цветами, к осени превращавшимися в длинные узкие стручки. Их семена мы съедали, а из створок мальчишки делали свистульки, и улица оглашалась частыми звучными сигналами, веселившими нас и надоедавшими взрослым. Фантазией Толи зазеленевший двор превращался в «необитаемый остров», на котором «для прокорма островитян» находились «волчьи ягоды» – паслен, «мышья репка» – сурепка, а когда «остров» преобразовали в общий огород, то и бобы, горох, морковка. Играли также в «Здравствуй, дедушка Король», в глухой телефон, в лапту, в мяч, когда его кому-то подарили: просто в круг или в штандр, а позже – в волейбол, купив вскладчину сетку. Очень любили прыгать – «в классики», «в баночку», со скакалкой или на доске, положенной на бревно. На доске прыгали вдвоем, а то и втроем, это когда третья сменяла то одну, то другую, общий ход прыжков при этом не прерывался. Какое удовольствие было взлетать и с силой опускаться на доску, чтобы как можно выше взлетела твоя напарница! Мальчишки на доске не прыгали, это уже была привилегия девчонок.

К экзаменам (мы сдавали их ежегодно, с четвертого по десятый класс) я всегда готовилась на крыше: Толя так же делал в свое время. Для тренировки и воспитания храбрости добиралась, под его надзором, до самой высокой точки, вставала в полный рост и, держась за трубу, оглядывала все вокруг. Особого удовольствия при этом не испытывала – побаивалась и осторожно спускалась на плоскую крышу сенок. Здесь располагалась комфортно: ложилась на спину и наедине с небом чувствовала себя счастливой! Потом переворачивалась, шелестела страницами учебников, с удовольствием перечеркивала каждый выученный билет и, в награду, – снова глядела в небо.

Как-то, классе в десятом уже, вечером там, на крыше, вдруг услышала громко звучащую пластинку: «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой». Пораженная, я вскочила, взглянула в направлении звука – на крыльце Ардашевского флигеля стоял новенький патефон, а рядом – торжественный и смущенный Толик Шевченко из каменушки. Я все поняла: Тарас Григорьевич, так величал его отец, осуществил свою мечту – купить с первой полочки патефон с пластинками. Отлично окончив железнодорожное училище, он, первым из нашей братии, стал работать – кочегаром на паровозе, в бригаде, где мой брат Дима был тогда помощником машиниста. Вихрем слетела я с крыши, с ликующим возгласом порхнула к музыке, за-

вороженно, как впервые, уставилась на вращающуюся пластинку, забыв поздравить «именинника». Тут он подходит и приглашает меня на танец.

Я страшно любила танцевать и была вышколена Толей. Года за два до окончания школы он чуть ли не каждый день, вернувшись из нее, отодвигал с середины комнаты в угол большой обеденный стол, и, насвистывая танцевальные мелодии, начинал отрабатывать со мной самые сложные па модных тогда танго, фокстрота, вальса-бостона: елочку, скольжение, повороты. Потом, в городских садах, на танцах, он не однажды выигрывал разные призы.

Среди нас лучшим танцором был соученик Толика, как оказалось, солист танцевального ансамбля училища, и тоже Толик. Раз папа, просто так, «в настроении», играл дома на гитаре, и мы, всем подросткам уже дворовом, пришли послушать его. Он заиграл «Яблочко», как всегда, заразительно весело! Вдруг со стула сорвался этот самый, еще почти незнакомый нам, светлоголовый кудряш и выдал такой матросский пляс, что все обмерли – от неожиданности, от легкости и красоты исполнения! Потом были «Цыганочка», «Барыня», «Коробейники»! И Толик-беленький стал всеобщим любимцем...

А новый патефон на крыльце все играл и играл: «В парке Чаир» сменило «Утомленное солнце», за ним – «Рио-Рита», «Брызги шампанского», «Вам возвращая Ваш портрет», «Скажите, девушки» – пока совсем не стемнело...

Кажется, именно в тот вечер, тем самым патефоном, мы окончательно распрощались с нашим дворовым детством.

Зойкина молитва

Одной из первых книжек, прочитанных мною самостоятельно, была «Дикие лебеди» Андерсена. Ах, как понравилась сказка! Я совершенно ясно видела большой светлый зал королевского дворца, девочку-принцессу, сидящую за невысоким столом у большой раскрытой красивой книги, а вокруг – одиннадцать братьев, с любовью наблюдающих, как радуется их сестра, разглядывая чудесные картинки, оживающие всякий раз, когда она переворачивала страницу. И я радовалась вместе с ней! А потом горевала, когда злая мачеха заколдовала принцев, превратив их в диких лебедей, с шумом вылетевших в распахнутое окно зала, а Элизу прогнала из дворца. Вместе мы плутали по лесам и болотам, и мне жгла руки крапива, из которой Элиза, по совету доброй волшебницы, сплела спасительные рубашки братьям. Я страдала от горьких, тяжелых несправедливостей, выпавших на ее долю, и, в конце концов, радовалась новому обретению братьев и счастья!

Не один день просыпалась и засыпала я с мыслями о сказке и все ждала чего-то необычного. И вдруг приходит к нам мамина подруга «Тюнечка Миронова», наша любимая тетя Тюня. Как всегда, она в нарядной белой блузке, с душистым кружевным платочком за рукавом и крошечными «бирюзовыми» цветочками в ушах. На дворе лето, до нового года далеко, до дня рождения – еще дальше, а она вынимает из сумки куклу с длинными волнистыми «пепельными» волосами и протягивает ее мне! Не веря глазам, выдыхаю: «Это Элиза?!» Чуть помолчав, внимательно глядя на меня, тетя Тюня говорит: «Да, это Элиза. А как ты догадалась?» Еле слышно шепчу: «Я узнала ее».

Во дворе мы с девчонками решили отпраздновать день рождения моей Элизы.

У сестры Нины, шившей «на заказ» своим знакомым платья, я вымолила атласный лоскуток цвета утренних облаков, освещенных восходящим солнцем, и, отделив от него несколько нитей, оплела ими волосы Элизы, потому что именно так, «жемчужными нитями», украшали ее к свадьбе с принцем в сказке. Утром, уходя на работу, Нина подарила мне, «к праздничному столу», две картофельные оладушки. Разрезав каждую на три части, я положила их на тарелочки кукольного сервиза. Гости не заставили себя ждать. Все уселись на полу и стали поздравлять Элизу. Вдруг дверь резко распахнулась, и появилась громко кричащая соседка тетя Даша. Что она кричала, не помню, но изо рта ее вылетали красные, а из глаз – синие искры! Так же внезапно, как появилась, она исчезла. Галя, самая старшая из нас, быстро вскочила и набросила крючок на петлю двери. Ничего не понимая, мы испуганно смотрели друг на друга, а потом стали шёпотом обсуждать, как наказать зло-

редную Дарью – так мы звали ее между собой – за испорченный праздник. Долго не могли придумать. Наконец Зойка, самая отчаянная и единственная крещеная, говорит: «Я придумала! Пойдемте к Ларке». Чтобы не встретиться с Дарьей, мы по очереди выбрались во двор через окно. Этому обучил меня брат Толя – «на всякий случай». Я выбиралась первой, показывая каждой следующей, за что держаться и куда ставить ногу: мы жили на втором этаже. Прибегаем к Ларке. Зойка смело идет прямо в передний угол. Там, над комодом, висят украшенные бумажными цветами две иконы – Боженьки и Богородицы. Зойка опускается перед

«Дикие лебеди». Рисунок Анны Мининой, 11 лет.

ними на колени и начинает читать молитву, приказав нам все повторять за ней в точности. Мы подчиняемся беспрекословно.

До сих пор не знаю, настоящая ли это молитва, но поскольку других очень долго не знала, эту иногда, тайно, про себя, читала перед экзаменами. Вот она: «Богородица по церкви похаживала, на головке крестик понашивала, спит ли, не спит ли Ангел мой, хранитель мой, сохрани мою душеньку, день и ночь, час и полчаса. Аминь». Затем она (и мы за ней) касалась лбом пола и говорила: «Пусть у Дарьи зубы заболят». Повторив это трижды, Зойка встала и гордо прошла мимо нас, еще сидящих на полу. У двери она остановилась, оглянулась и говорит: «Ну, что расселись-то?! Пошли на улку!»

Двор встретил нас криками мальчишек: «Где вы там застряли? Все готово уже!» Посреди поляны лежало полено, а через него – доска. На том конце ее, который касался травы, аккуратной кучкой лежали коротенькие палочки. Второй конец доски торчал кверху. Нас ожидала игра «Двенадцать палочек». Встали в круг, и наш постоянный ведущий Вовка начал считалочку: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты такой? Выходи поскорей, не задерживай добрых и честных людей».

За играми мы позабыли о своих огорчениях. Утром я только поела и слышу, девчонки зовут меня выходить. Выбегаю, они стоят напротив нашего крыльца и смотрят в сторону ворот. На всех лицах – изумление и трепет. К воротам подходит понурая Дарья, опухшая щека ее подвязана теплым платком!..

Мы не злорадствовали. Наоборот, стало жаль тетю Дашу – все же у нее скоро год, как погиб на фронте муж, отец Юрки. Она всякий раз, как получала за него деньги «по аттестату», на весь двор горестно причитала: «На кого покинул ты нас, сирот, кормилец наш?!» Шло лето 1945 года.

Больше мы никогда так не молились, а скоро и совсем забыли об этом. Вспомнили недавно, когда Зойка пришла ко мне на «баальшой» юбилей. Посмеялись. Потом взгрустнули и спели песню наших родителей «Быстры, как волны, все дни нашей жизни».

Маргарита Михайловна Табачник

Жизнь моей семьи связана с Тюменью с 1948 года. Привезла нас сюда моя тетя, Табачник Фира Яковлевна. После тяжелейших лет эвакуации, после гибели на войне её брата (моего отца) она, преподаватель истории, была приглашена на работу в педагогический институт. С ней и приехали все мы: её мама – моя бабушка, её сестра, моя мама, моя сестренка 12 лет и я, 8 лет. Поздней осенью нас встретили на Тюменском железнодорожном вокзале на телеге, в которую была впряжена старенькая лошаденка. Вещей практически не было, и через час нас домчали по деревянным мостовым в Зареку, на улицу Игарскую, 5, в дом, принадлежавший пединституту. Наше жильё состояло из сеней и одной комнаты 18 квадратных метров.

Из мебели были стол, сбитый из досок, вокруг него три кровати, на ночь выставлялись ещё две самодельные раскладушки – натянутый на деревян-

ные козлы брезент. Здесь же была печка-плита, она обогревала комнату и на ней варили. Ценные для учителя истории книги разместили вдоль стен на узенькой лежанке, наши с сестрой учебники заняли место на ящике, пока его не сменила этажерка. Стол был универсальным – за ним все занимались, на нем же готовили обеды.

Дом наш был двухэтажный, сработанный на совесть из толстых бревен, с завалинкой и, наверное, очень старый, но крепкий. Одни половицы чего стоили – сантиметров 15 толщиной и более 20 шириной, они есть и сейчас. Я заходила в свою квартиру в 2008 году. Меня приветливо встретили нынешние жильцы, там даже входная дверь та же и почтовый ящик на ней наш, хотя мы уехали в 1972 году. В этом доме я прожила 24 года!

Детьми, играя на улице возле дома, мы постоянно находили кусочки кожи. По-видимому, в этом доме ранее было какое-то кожевенное производство. Жили в нем преподаватели пединститута, технички, всего 8 семей. Известный тогда в городе литератор Борисевич (забыла имя) собирал русские народные сказки, одну книгу подарил нам, я же её подарила на заседании нашего клуба «Тюменская старина» заречной библиотеке имени А.С. Пушкина, когда мы там собирались первый раз. Нашими соседями были преподаватели Дворцовы Василий Иванович и Валерия Николаевна, большое семейство Мелкозеровых – шесть сыновей и одна дочь, с ней мы дружны и сейчас, хотя она живет в Екатеринбурге.

Мелкозеровы держали корову Цыганку, и каждое утро дети выгоняли ее в стадо, которое паслось неподалёку за улицей Заозёрной. Вечером встречали корову, когда шло стадо. Вся улица оглашалась мычанием коров, они знали свои дома, даже открывали сами калитки. Молоко

Рисунок Алёны Мироновой, 10 лет.

мы покупали у соседей, оно было поистине настоящим. Соседи держали кур, свиней, редко коз. Крепче всех у нас сохранилась дружба с семьей Сосновкиных, Игоря Николаевича и Алевтины Николаевны, я водила их детей в детский сад, что находился на Большой Заречной, за моей начальной школой. Этим «детям» сейчас за 50, и они мои хорошие помощники, так же, как взрослые дети Юхтиной Светланы Алексеевны, преподавателя английского языка. Когда построили новый детский сад на этой же улице, недалеко от библиотеки (он есть и сейчас), старый закрыли. Преподаватели постепенно получали новые благоустроенные квартиры, уезжали, от дома институт отказался, так как в него уже никто не хотел ехать.

У всех семей были сарайчики, и мне до сих пор жаль, что в нашем сарайчике мы оставили уже не нужную тогда радиотарелку, как бы она сейчас пригодилась в музее!

Небольшой базар находился на улице Сенной, недалеко от Мостовой (ныне Щербакова), там торговали овощами, яблоками, свежими молочными продуктами, мясом, вяленой рыбой, всем, что было необходимо. На углу нашей улицы стоял ларек, и сбегать в него за кульком конфет-подушечек за рубль было большой радостью.

За водой ходили за целый квартал на улицу Ангарскую, платили по копейке, несли ведра на коромыслах, а тетушки мои к коромыслам так и не привыкли, носили ведра в руках. Какое было счастье, когда уже в шестидесятые годы, а может, и позже, провели водопровод!

У всех были огородики, а стало быть, свежая зелень, редиска, свой лук и немного картошки. Мы садили кукурузу и красивые махровые маки, но

Рисунок Анастасии Ивановой, 11 лет.

они уже тогда были предметом, привлекавшим соседских ребят, которые их просто срывали.

В огороде было полно конопли, но ни у кого не было мысли, что это вредное растение – трава и трава. Выращивали простой мак, о наркотиках не знали. Некоторые соседи летом ходили в лес, собирали ягоды, грибы. Грибы солили, нас угощали, я к грибам пристрастилась уже в семидесятые годы, когда стали коллективно ездить. В лесополосе у электромеханического завода было много сыроежек, даже рыжиков, груздей, а сейчас там все вытоптано.

Автобусов в те годы в городе ещё не было, на работу – на лесобазу, в школу № 21, в пединститут – мои родные в мороз и жару ходили пешком. Моя начальная школа № 24 была рядом, на улице Большая Заречная. Двухэтажный деревянный дом, он и сейчас есть, там теперь квартиры. В этой школе меня принимали в пионеры на торжественной линейке, перед всей дружиной, было много волнений, этот день я помню до сих пор, так же, как день, когда стала комсомолкой – уже в другой школе, № 14, на улице Луначарского. На этом месте теперь общежитие лесотехникума. Школа – длинный деревянный барак, конечно, неблагоустроенный, но мы её любили, потому что учили нас замечательные люди, добрые и преданные своему делу.

Пионерские галстуки в основном завязывали специальным узлом, зажимы были, но редко у кого, у меня не было. Свой комсомольский значок я отнесла в музей, молодежь не знает, что это такое. Рассказываю.

В музее лесотехнического колледжа, где я работаю, есть интересная фотография: спортивный парад в честь 300-летия присоединения Украины к России, вот там ребята делают пирамиды так пирамиды! Это пятидесятые

Рисунок Ольги Куликовой, 13 лет.

годы. И в нашей школе, когда я уже работала, были силовые акробаты, красиво выступали!

Когда я была школьницей, в основном заплетали косы, но не так сложно, как сейчас. А когда одноклассница завила несколько кудряшек, её просто выгнали с уроков со скандалом. Очень жаль, не все было хорошо и в те времена. Теперь-то мы это знаем...

Зимой ходили в школу по реке, и шиком было съехать на портфелях с крутого берега возле монастыря. Разбивали носы, разливали чернила, теряли портфели.

Тура – река нашего заречного детства. Все лето мы проводили на ней: учились плавать, смотрели на бесконечные плоты – сплав был тогда чуть ли не единственным способом транспортировки леса, смелые, беспшашные мальчишки бегали по скользким бревнам и ныряли с них. В пятидесятые годы река была судоходной, каждый вечер мы провожали красивый белый теплоход «Генерал Карбышев». Незабываемое зрелище – кажется, в 1961 году загорелся от искры парохода единственный в городе мост через Туру, военные вскоре возвели понтонный, и мы долго ходили по нему, покачиваясь, как на волнах.

И ещё одна школа была в моей жизни, № 26, тоже на улице Луначарского. Тогда, в 1954 году, это было единственное и самое большое во всей округе каменное двухэтажное здание, а сейчас оно «утонуло» среди пятиэтажек. В этой школе я потом работала учителем математики и сохранила в сердце тепло её классов, коридоров, доброе отношение коллег и моих дорогих учеников.

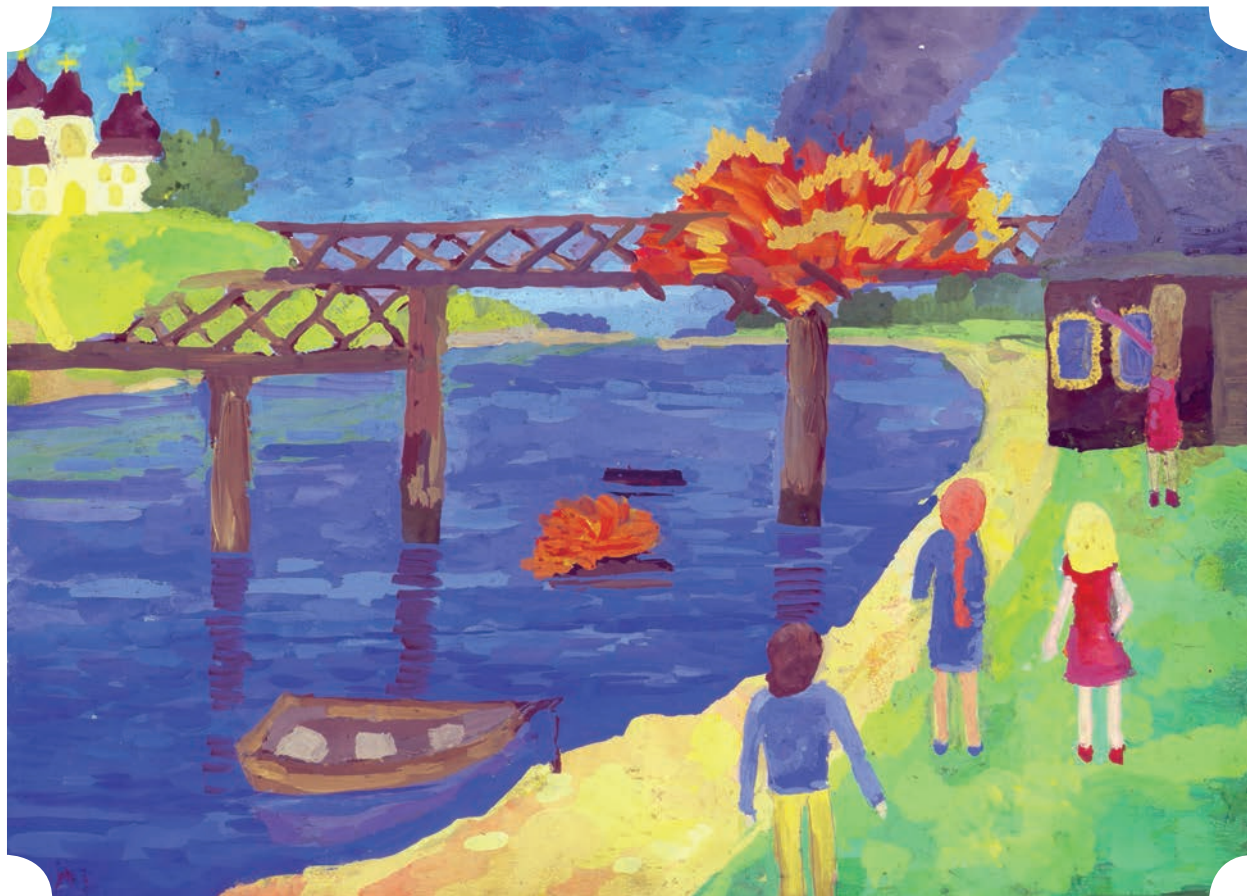

Рисунок Анастасии Захаровой, 11 лет.

Об авторах

Полищук (Овчинникова) Ольга Александровна родилась в 1923 году. Работала экономистом в облместпроме и оргтехводстрое. Ветеран труда. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Щекотов Аркадий Константинович родился в 1927 году. Работал инженером-кораблестроителем на Тюменском судостроительном заводе, директором Тюменского машиностроительного техникума. Когда ушел на пенсию, работал реставратором в музее истории науки и техники Зауралья Тюменского нефтегазового университета. Имеет звание Почетного работника Министерства строительного и дорожного машиностроения. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Кубочкина (Калугина) Вера Николаевна родилась в 1929 году. Историк-краевед, журналист. Имеет правительственные и ведомственные награды.

Лазарева (Охотникова) Валентина Павловна родилась в 1929 году. Работала учителем географии в школе № 30, учителем и завучем в школе № 2 (вечерней). Отличник народного просвещения, ветеран труда, ветеран войны.

Полозкова Галина Андреевна родилась в 1930 году. Работала преподавателем физической географии в Тюменском государственном университете и Тюменском педагогическом училище. Отличник народного просвещения, ветеран труда. С 1987 по 2002 год являлась председателем Совета клуба «Тюменская старина».

Шаршина Инна Георгиевна родилась в 1931 году. Работала преподавателем истории в Тюменском машиностроительном техникуме. Ветеран труда. Награждена знаком Министерства высшего и среднего специального образования «За отличные успехи в среднем специальном образовании СССР», медалью «За доблестный труд».

Каюкова (Прокофьева) Лидия Павловна родилась в 1932 году. Работала в школе №26 учителем русского языка и литературы. Ветеран труда. Отличник народного просвещения. Автор книги «Дом моего детства».

Костоварова (Хлызова) Тамара Борисовна родилась в 1933 году. Работает заведующей музеем Тюменского медицинского колледжа, ветеран труда. Работала преподавателем медицинского училища, затем заместителем директора по практическому обучению. Награждена медалью «За трудовую доблесть», значком «Отличник здравоохранения», министерской грамотой.

Дрозд (Кутузова) Людмила Геннадьевна родилась в 1937 году. Работала врачом-эпидемиологом. Ветеран труда. Награждена медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

Табачник Маргарита Михайловна родилась в 1940 году. Работала учителем математики в школе №26, в педагогическом институте, в лесотехническом техникуме. Создала музей лесотехнического техникума. Автор книги «Студенчества прекрасная пора (к 75-летию тюменского лесотехнического техникума)». Ветеран труда. Награждена знаком «За отличные успехи в среднем специальном образовании», «Почетный работник среднего профессионального образования РФ».

Антуфьева (Аксарина) Надежда Леонидовна родилась в 1950 году. Работает в музее истории науки и техники Зауралья Тюменского государственного нефтегазового университета. Руководитель краеведческого клуба «Тюменская старина».

Эту книгу проиллюстрировали учащиеся **детской художественной школы им. А.П. Митинского**. Художественная школа была открыта в 1967 году, с тех пор она наполнялась и расцветала талантами. Преподаватели школы: Александр Витольдович Васильев, Елена Анатольевна Измайлова, Владимир Михайлович Киселёв помогли своим ученикам конкретно в этой работе – иллюстрирование рассказов «Когда бабушка была маленькой» – раскрыться эмоционально, выразить свои чувства от прочитанного глубоко и правдиво.

Содержание

Ольга Александровна Полищук (Овчинникова).....	5
Аркадий Константинович Щекотов.....	9
Вера Николаевна Кубочкина (Калугина).....	15
Валентина Павловна Лазарева (Охотникова).....	20
Галина Андреевна Полозкова.....	25
Инна Георгиевна Шаршина.....	29
Лидия Павловна Каюкова (Прокофьева).....	35
Тамара Борисовна Костоварова (Хлызова).....	38
Людмила Геннадьевна Дрозд (Кутузова).....	41
Маргарита Михайловна Табачник.....	53
Об авторах.....	58

КОГДА БАБУШКА БЫЛА МАЛЕНЬКОЙ

*(воспоминания 70-80-летних
жителей Тюмени о своём детстве)*

Составитель Н.Л. Антуфьева
Верстка – С.А. Дерябин

На титуле рисунок Екатерины Ткаченко, 11 лет.

ISBN 978-5-9288-0218-9

9 785928 802189

ОАО «Тюменский издательский дом»
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6
Тел./факс 8(3452) 69-56-73

Сдано в набор 05.10.2012 г. Подписано в печать 17.12.2012 г.
Формат 60х90/8. Печать офсетная.
Бумага ВХИ. Объём 7,5 усл. печ. л.
Зак. 963. Тираж 100 экз.